

ПАНОРАМА

**Научные труды
Факультета международных отношений Воро-
нежского государственного университета Том
XXV**

PANORAMA

**Academic Annals Faculty of
International Relations
Voronezh State University
Vol. XXV**

ISSN 2226-5341

ПАНОРАМА

**Научные труды
Факультета международных отношений Воро-
нежского государственного университета Том
XXV**

ISSN 2226-5341

Панорама

2016, Том XXV

Учредитель:

Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году. С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают нумерацию предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. **О.Н. Беленов**, проректор по экономике и международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «ВГУ»; профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. **П.А. Канапухин**, декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ»; заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. **Е.В. Ендовицкая**, заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р ист. н. **М.В. Кирчанов**, отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.г.н. **И.В. Комов**, преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. **А.И. Лылов**, доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. **В.Н. Морозова**, заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р полит. н. **А.А. Слинько**, профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.э.н. **Е.П. Цебекова**, заместитель декана по воспитательной и социальной работе, доцент Кафедры международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

д-р экон. н. **А.И. Удовиченко**, профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, Московский пр-т 88, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 8, Ауд. 22

Рукописи предоставляются в редакцию в электронном виде на диске или по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет, 2016
© Составление, ФМО ВГУ, 2016
© Авторы, 2016

Содержание

Проблемы современной экономики

А.А. Болдырихин, Поддержка развития предпринимательства в странах БРИКС на современном этапе	5
Е.С. Василенко, Роль России на мировом нефтяном рынке	10
Субхан Фуад, Отношения между Индонезией и Россией в области торговли и инвестиций в современном этапе	17

Проблемы политики зарубежных стран

Нуари Малалааривуни Ралафиариндаза, Партийная конкуренция в Республике Мадагаскар до и после кризиса 2009 года	27
Шаньшань Чжан, Имидж президента России Владимира Путина в КНР	37
Субхан Фуад, Роль и интересы Индонезии в АТЭС в контексте мировой торговли и привлечения инвестиций	43

Проблемы историографии

М.В. Кирчанов, Социо-культурный поворот в американской историографии во второй половине 1960-х годов	52
Н.Я. Неклюдов, Образ Ивана Грозного в геополитической системе американского исследователя Р. Каплана	70

Проблемы истории и политологии

А. Курбатов, Информационный фактор в мировой политике	80
М.В. Кирчанов, Македонские мотивы в раннем болгарском национализме	92

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

А.А. Болдырихин

Поддержка развития предпринимательства в странах БРИКС на современном этапе

In this article the author analyses the measures for business support in BRICS countries in the modern times, mainly focusing on the developments in institutional support system.

Keywords: BRICS, small and medium business development, institutional support for business.

В данной статье автор анализирует механизмы поддержки бизнеса в странах БРИКС на современном этапе, акцентируя внимание на развитии системы институциональной поддержки деловой среды.

Ключевые слова: БРИКС, малый и средний бизнес, институциональная поддержка предпринимательства.

Создание блока БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), начало которому было положено в 2006 году, стало одним из наиболее значительных политических и экономических событий начала столетия. За сравнительно небольшой промежуток времени ассоциация стала одним из важных игроков на международной арене. На сегодняшний день население стран альянса составляет 40% населения планеты, пятерка производит почти 20% мирового ВВП, при этом совокупная внешняя торговля стран-участниц составляет около 17% мирового товарооборота [10].

Традиционно страны БРИКС рассматриваются как государства с переходной экономикой, в связи с чем в некоторых странах пятерки наблюдается ряд характерных проблем и вызовов, стоящих перед предпринимательским сообществом. К ним относятся:

- Несовершенство правового поля, регулирующего взаимоотношения власти и бизнеса.
- Резкие изменения в законодательстве.
- Нестабильная экономическая ситуация в ряде государств и невозможность ее детального прогнозирования.
- Слабая изученность особенностей делового климата.
- Ряд ограничительных мер, которые государства БРИКС накладывают на движение капиталов [6; 7].

С другой стороны, рынки БРИКС представляют чрезвычайный интерес для международного бизнеса с точки зрения их экономического потенциала и возможностей для дальнейшего развития, а также высокой инвестиционной привлекательности [2].

Исследователи рекомендуют компаниям, работающим в странах БРИКС, придерживаться шести основных принципов работы:

- Детальное изучение рынка.
- Тщательный выбор деловых партнеров.
- Развитие долгосрочных стратегий бизнеса.
- Гибкость в подходах к освоению новых рынков.
- Установление надежных личных контактов.
- Работа с институтами поддержки и развития предпринимательства (отраслевые ассоциации, торгово-промышленные палаты, и т.д.) [8]

В настоящее время страны БРИКС преследуют общие принципы в отношении развития двусторонних деловых связей и поддержки бизнеса. В этом направлении предпринимаются следующие шаги:

- Упрощение ряда административных процедур для малого и среднего бизнеса.
- Повышение прозрачности торговли и инвестиций.
- Привлечение прямых иностранных инвестиций.
- Диверсификация импорта и экспорта.
- Институциональная поддержка развития делового сотрудничества между странами (Деловой Совет, Новый банк развития).
- Проведение ежегодных деловых форумов [3; 4].

- Развитие сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности.
- Поддержка интеграции малого и среднего бизнеса в глобальную производственно-сбытовую сеть.
- Краткосрочные программы мобильности для бизнеса (особенно в сфере технологий и инноваций).
- Широкий спектр информационной поддержки предпринимательства [13].

Одной из важнейших целей, которые БРИКС ставит перед собой, является всеобъемлющая институциональная поддержка малого и среднего предпринимательства. В связи с этим 27 марта 2013 года на пятом саммите глав государств в Дурбане (ЮАР) был основан Деловой Совет БРИКС, в состав которого вошли 25 наиболее выдающихся представителей бизнес-сообществ из пяти стран. В настоящее время данный Совет является одним из ключевых институтов для дальнейшего расширения делового сотрудничества в рамках БРИКС [1].

Согласно нормативным документам, деятельность Делового Совета прежде всего направлена на формирование площадки для диалога между странами-участницами по вопросам развития деловых, инвестиционных, торговых, экономических взаимоотношений. Также Совет ставит своей задачей всячески поддерживать продуктивное взаимодействие бизнес-сообщества с правительственными учреждениями [5].

Кроме того, 15 июля 2014 г. на саммите в Форталеза, Бразилия, учрежден Новый банк развития БРИКС (New Development Bank BRICS), который начал свою работу в 2015 г. в Шанхае, позиционируемый как альтернатива МВФ [9]. Уже в текущем году Совет директоров НБР одобрил кредитный пакет в \$811 млн., который направлен на развитие инвестиционных проектов в отрасли возобновляемой энергетики [11].

В октябре 2015 г. в Уфе прошел первый форум малого бизнеса ШОС и БРИКС, в котором приняли участие более 1,5 тысячи представителей власти и бизнеса из различных стран, а также из 51 региона России. Программой форума предусматривались дискуссии по вопросам поддержки малого предпринимательства, стратегического партнерства и развития международных деловых связей [12].

Интересен опыт поддержки предпринимательской деятельности в отдельных странах блока. Несмотря на состояние политической и экономической нестабильности, в стране работают программы поддержки и кредитования малого бизнеса, особенно в сельскохозяйственной отрасли, наблюдается высокий уровень исполнения обязательств по контрактам и финансовой ответственности. В Китае поддержка и развитие МСП являются приоритетными направлениями экономического развития, руководство страны постоянно совершенствует систему госзакупок и оказывает помощь предпринимателям в выходе на зарубежные рынки. В России ведущие мировые аналитики отмечают позитивные изменения в структуре таможенного и налогового законодательства, рост инвестиционной привлекательности на региональном уровне, стремление делового сообщества соответствовать мировым стандартам ведения бизнеса [6; 7].

В целом можно отметить значительный рост деловой активности в странах БРИКС, расширение двусторонних деловых контактов, а также существенный уровень развития институциональной поддержки, призванной создать максимально благоприятные условия для международного бизнеса в странах пятерки. Если подобные тенденции сохранятся, уже в краткосрочной перспективе возможно создание новых межгосударственных и внутригосударственных институтов поддержки предпринимательства государств-участниц БРИКС, а в долгосрочной перспективе можно рассчитывать на усиление экономического роста и увеличение объемов взаимной торговли, создание экономического союза, в рамках которого будут созданы особенно комфортные условия для функционирования международных компаний, открытия новых представительства, движения товаров и услуг, а также полномасштабная поддержка развития малого и среднего предпринимательства.

Библиографический список

1. "Duties should boost manufacturing, not imports" // Business Line, Oct. 27, 2015
2. Background Paper for the BRICS Business Forum Meeting, 14 July, 2014. - <http://ficci.in/spdocument/20228/Background-Paper-BRICS-Business-Forum-Meeting.pdf>

3. BRICS Business Forum to be held in Dubai next month // The Economic Times, August 3, 2015. - http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/48327895.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppsthttp://economictimes.indiatimes.com/news/economy/finance/brics-business-forum-to-be-held-in-dubai-next-month/articleshow/48327895.cms
4. BRICS Business Forum, Dubai 2015. - <http://www.bricsforumdubai.com>
5. Declaration on the establishment of the BRICS Business Council <http://brics.tpprf.ru/ru/committee/briks/Documents/Декларация%20о%20создании%20ДС%20БРИКС,%20подписанный%20вариант.pdf>
6. Doing Business 2016. Measuring regulatory quality and efficiency. Economy Profile 2016. Russian Federation. – The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2016; Investment climate in Russia – Foreign investor perception. – Ernst&Young Valuation and Advisory Services, 2015.
7. Doing Business with the BRICS: Currency risks and mitigation tactics. PNC Bank. http://content.pncmc.com/live/pnc/corporate/pncideas/articles/Web_Brics_Article_178616.pdf
8. Six BRICS Success Strategies. <http://trade commissioner.gc.ca/assets/pdfs/134645-eng.pdf>
9. Банк развития БРИКС открылся в Шанхае // РБК, 21.07.2015.
10. Воображая БРИКС. Четыре сценария будущего. - <http://bricsmagazine.com/ru/articles/voobrazhaya-briks-chetyre-stsenariya-buduschego>
11. Новый банк развития БРИКС одобрил первый пакет кредитов // Lenta.ru, 16 апреля 2016. - <https://lenta.ru/news/2016/04/16/brics/>
12. Первый форум малого бизнеса ШОС и БРИКС открылся в Уфе // Interfax, 22.10.2015. - <http://www.interfax.ru/russia/474862>
13. Стратегия экономического партнерства БРИКС. - http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/dc77688b-a466-416a-a7e8-8fd24a946c70/Стратегия+экономического+партнерства+БРИКС_рус.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=dc77688b-a466-416a-a7e8-8fd24a946c70

Роль России на мировом нефтяном рынке

В статье приводятся ключевые аспекты нефтяной промышленности Российской Федерации, ее достоинства и недостатки; рассматриваются возможные сценарии развития мирового нефтяного рынка. Так же, в статье обращено внимание на главные тенденции современного положения на рынке нефти, непосредственным участником которого является Россия.

Ключевые слова: нефть, рынок нефти, нефтедобыча.

The article presents the key aspects of the oil industry of the Russian Federation, its advantages and disadvantages; discusses possible scenarios for the development of the world oil market. Also, the article drew attention to the main tendencies of the present situation in the oil market, a direct participant of which is Russia, and noted its role in this market.

Key words: oil, oil market, oil production.

Ни для кого не секрет, что Российская Федерация обладает одним из самых крупных во всем мире потенциалов топливно-энергетических ресурсов. Если обратиться к истории, то мы увидим, что в 1987 году была зафиксирована самая высокая добыча нефти в одной стране за всю историю нефтяной промышленности мира (571 млн. тонн нефти) [1]. Далее последовал период резкого сокращения добычи нефти, но этот период закончился несколько лет назад и, начиная с 1999-2000 годов, добыча нефти в России стремительно растет. В нашей стране проживает менее 3% населения Земли, по площади мы занимаем приблизительно 13% сухопутной территории планеты и здесь сосредоточено около 13% разведанных запасов нефти [1]. Не правда ли, впечатляющие цифры? Давайте же разберемся, каким образом мы используем данные ресурсы, и какое влияние тем самым оказываем на мировой нефтяной рынок.

Широко распространён миф о том, что Россия «сидит на нефтяной игле». Сторонники этого мифа утверждают, что экономика России якобы основывается практически исключительно на экспорте углеводородов, и если объёмы этого экспорта снизятся или цена на нефть существенно упадёт, то это якобы приведёт к полному экономическому краху России. Распространён это миф как среди российских исследователей, так и на Западе — например,

некоторые представители политической элиты США называют Россию «Большой Бензоколонкой». В реальности ежегодная доля производства первичных энергоресурсов в России составляет более 12% от общего мирового производства [2]. На сегодняшний день топливно-энергетический комплекс (ТЭК) можно смело назвать одним из важнейших для экономики нашего государства. На протяжении долгих лет производственные комплексы ТЭК развиваются достаточно динамично. На его долю приходится около $\frac{1}{4}$ производства внутреннего валового продукта, $\frac{1}{3}$ объема промышленного производства около 50% доходов федерального бюджета, экспорта и валютных поступлений страны. Важно также различать долю углеводородов в ВВП - 16 % и долю углеводородов в экспорте - около $\frac{2}{3}$ [2]. Незаметная подмена первого показателя вторым часто используется для создания впечатления, что «всё пропало». Разумеется, указанные цифры тоже немаленькие, и экспорт углеводородов имеет большое значение для России, но всё же роль нефтегазового экспорта в экономике РФ весьма далека от критической. На фоне снижения цен на нефть в 2014—2015 гг. доля нефтегаза в экономике и экспорте РФ снизилась, однако вопреки ожиданиям всепропальщиков масштаб экономических трудностей оказался сравнительно невелик — 4 % [2] падения ВВП по сравнению с 8 % падения во время кризиса 2009 г., и это с учётом антироссийских санкций и других сложностей.

Эти цифры часто вызывают критику со стороны ряда российских и зарубежных экспертов, утверждения которых гласят о том, что такая доля ТЭК свидетельствует о сильной зависимости российской экономики от добычи нефти и газа, а так же о том, что наше государство превращается в сырьевой придаток мировой экономики. Но существует и ответ приверженцам вышеуказанной точки зрения. Он гласит о том, что наличие таких обширных запасов природных ресурсов – это в первую очередь преимущество, а не недостаток. Главное в этом деле – уметь правильно распорядиться ими. Здесь можно привести отличный пример рациональных эксплуататоров природных ресурсов – это такие страны как США, Норвегия и Великобритания. Как показывает их опыт, нефтегазовая отрасль стимулирует развитие экономики государства и способствует повышению благосостояния населения. Поэтому, на мой взгляд, российский ТЭК это вовсе не «игла» для националь-

ной экономики, а «локомотив», при правильном руководстве которого нам удастся добиться отличных показателей экономического развития. В связи со всем вышеизложенным государственное регулирование ТЭК распадается на два блока. Первый блок включает в себя обеспечение стабильного развития энергетического комплекса на всех этапах: от изучения ресурсного потенциала углеводородного сырья до его переработки и транспортировки. Второй блок включает эффективное использование данного комплекса для развития российской экономики и социальной сферы.

Не нужно быть экспертом, чтобы заметить интересность существующей на сегодняшний день ситуации на мировом рынке нефти. Стоит отметить, что данная ситуация достаточно изменчива, а в силу высоких цен на нефть на мировом рынке рост добычи превзошел прогноз, заложенный в «Энергетической стратегии России до 2020 года» [3]. И в этих условиях дальнейший прогноз уточняется и будет скорректирован. При средних ценах на российскую нефть на мировом рынке в диапазоне 25-35 долл. за баррель добыча нефти в России может достигнуть к 2020 г. 550-590 млн. т в год, и в первую очередь за счет ввода в разработку новых месторождений [3].

На данный момент в Российской Федерации открыто и разведано более 3000 месторождений углеводородного сырья [1], разрабатывается примерно половина из них. В основном эти месторождения расположены на материке. Более половины российской нефтедобычи сосредоточено в районе Урала и Западной Сибири. Стоит отметить, что отличительной чертой месторождений сосредоточенных в этом районе является достаточно быстрая выработка и поэтому нам необходимо развивать какие-либо альтернативные районы добычи. В перспективе такими приоритетными регионами являются Восточная Сибирь и Дальний Восток. Их развитие представляется особо важным как с социально-экономической точки зрения, так и исходя из стратегических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Большое значение имеет развитие таких центров добычи углеводородного сырья, как шельф острова Сахалин, Баренцева, Балтийского и Каспийского морей.

Итак, обратим наше внимание непосредственно на мировой нефтяной рынок и роль России на нем. Как отметил известный российский государственный деятель Александр Новак, отвечая

на вопрос о том, нужно ли России и ОПЕК совместно решать проблему снижения мировых цен на нефть: «Проблема снижения мировых цен на нефть глобальная. Искусственными методами не получится решить проблему. Сегодня ОПЕК (Организация стран-экспортёров нефти — международная межправительственная организация, которая создана нефтедобывающими странами в целях стабилизации цен на нефть) не является той структурой, которая регулирует рынок». Комментируя необходимость сотрудничества РФ и ОПЕК, Новак высказал мнение, что «это не даст эффекта» [4]. «При искусственном повышении цены на нефть добыча сланцевой нефти (в США) будет еще больше, и эта нефть займет свою нишу дополнительную», - сказал он. «ОПЕК не меняла квоту с 2008 года, и ту роль, которую она играла в 1970–1980 годах, - ее уже нет. И вообще стоит вопрос о целесообразности какой-то координации России с ОПЕК», - отметил Александр Валентинович [4]. Так же, им было выражено следующее мнение : что сокращение инвестиционных программ нефтяных компаний в любом случае приведет к снижению мировой добычи нефти. «Выход в том, что нужно подождать, пока сбалансируется рынок. Инвестиционные программы, которые начали сокращаться, в любом случае приведут к тому, что количество добываемой нефти снизится. Это мы уже видим, потому что добыча (сланцевой нефти) снизилась уже на 500 тысяч баррелей в сутки», - сказал он [4].

В середине декабря 2015 года цена нефтяной «корзины» ОПЕК (OPEC Reference Basket of crudes) снизилась на 0,79 доллара или на 2,44% и составила 31,49 доллара за баррель, опустившись к уровню 31 марта 2003 года, когда ее цена также составляла 31,49 доллара за баррель [5]. На цены на нефть влияет то, что лидеры американского Конгресса достигли договоренности о снятии действующего с 1975 года запрета на экспорт нефти из Соединенных Штатов. Перед этим цены на нефть снижались на фоне доклада Международного энергетического агентства о мировом спросе на нефть в 2015–2016 годах[5]. В настоящее время объем добычи нефти членами ОПЕК оценивается в 31–32 млн баррелей сутки. Предыдущая квота находилась на уровне 30 млн баррелей сутки. 15 декабря 2015 года международное рейтинговое агентство Moody's Investors Service ухудшило на 17% прогноз цен на нефть в 2016 году. Аналитики агентства ожидают, что мар-

ка WTI в следующем году будет стоить 40 долларов за баррель против ранее прогнозировавшихся 48 долларов за баррель. Оценка для Brent была снижена до 43 долларов за баррель с 53 долларов за баррель [5].

Для представления более полной картины сложившейся ситуации на мировом рынке нефти обратимся к еще одному проведенному в 2015 году опросу консалтинговой компанией VYGON Consulting среди экспертов, чиновников, представителей российских нефтяных компаний и профильных аналитиков[6]. Опрос проводился в рамках исследования «Мировой рынок нефти: от «ручного управления» к «невидимой руке» . Внутренний прогноз цен нефтяных компаний на краткосрочный период находится в диапазоне \$60–65 за баррель, а долгосрочных пока нет[6].

Опрошенные вышеуказанные респонденты предложили три сценария изменения нефтяных цен в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе: оптимистичный, средний и пессимистичный. Однако средние цифры, полученные в ходе исследования, находятся в диапазоне \$60–80 за баррель. Консенсус-прогноз цены нефти в 2015 году – \$59 за баррель, с ее восстановлением до уровня \$78 за баррель к 2017 году и свыше \$90 за баррель в 2035 году (в ценах 2015 года)[6]. Отвечая на вопрос об основных причинах кризиса, большинство участников опроса назвали перепроизводство нефти в мире, нежелание ОПЕК снижать добычу и стремление картеля остановить распространение сланцевой добычи в мире. Лишь малая часть респондентов отметила в качестве причин кризиса различные варианты «теории заговора»[6].

По словам Сергея Ежова, главного экономиста VYGON Consulting, три последних периода обвала мировых цен на нефть так или иначе были связаны с действиями ОПЕК. В 1985 году увеличилась добыча Саудовской Аравией, в 1997 и 2008 годах росли квоты стран – участниц ОПЕК. Кризис 2014 года впервые случился на фоне пассивной позиции ОПЕК, отстранившейся от регулирования предложения: картель не менял квоту в 30 млн баррелей в сутки с 2011 года [6]. Основным фактором дисбаланса мирового рынка, по мнению эксперта, стала добыча нефти плотных пород (сланцевой нефти) в США, выросшая в 5 раз за последние четыре года. Таким образом, изменения цен на нефть в среднесрочной перспективе также будут зависеть от динамики добычи сланцевой

нефти в США, где при падении цен ниже \$50 за баррель прогнозируется серьезное снижение объема бурения новых скважин и инвестиций в отрасль[6].

Оптимистичный сценарий динамики нефтяных цен в мире предполагает показатель \$58,3 за баррель в 2015 году, \$76,7 за баррель в 2017 году, \$120 за баррель в 2035 году[3]. Пессимистичный прогноз предполагает рост цены в текущем году до \$61,7 за баррель, ее подъем в 2017 году до \$82,5 и стремительное падение к 2035 году до \$67,5 за баррель нефти сорта Brent.

По мнению аналитиков VYGON Consulting, средний сценарий с ценой, стремящейся к отметке в \$80 за баррель, можно использовать как базовый для формирования инвестиционных программ и построения прогнозов для ключевых стратегических отраслевых документов, которые разрабатывает Минэнерго России. Оптимистичный сценарий (на уровне \$100–120 за баррель) – для реализации перспективных проектов по освоению арктического шельфа. А пессимистичный сценарий на уровне \$60 за баррель – для стресс-анализа отдельных инвестиционных проектов. Все опрошенные источники в нефтяных компаниях оптимистично замечают, что при уровне цен на нефть от \$60 за баррель проекты отрасли, за исключением арктического шельфа и разработки трудноизвлекаемых запасов остаются рентабельными. Они говорят, что долгосрочных прогнозов цен на нефть на 2035 год в компаниях не составляют, а помимо средних ценовых сценариев есть еще и пессимистические с ценой на нефть \$45 за баррель. В кратко- и среднесрочных прогнозах нефтяники радикальнее аналитиков. Так, Игорь Сечин на IP-week в Лондоне озвучивал, что бизнес-план «Роснефти» на 2016 год рассчитан, исходя из цен на нефть в \$50 за баррель. «Ее превышение будет направлено на те проекты, которые мы посчитаем необходимыми», – сказал Игорь Сечин, добавив, что считает равновесной ценой нефти в 2015–2016 годах \$60–80 за баррель[7].

В пресс-службе ЛУКОЙЛа сообщили, что в первом квартале текущего года, по расчетам экономистов компании, цена на нефть составит \$50, а к концу года поднимется до \$60–70. Ранее президент ЛУКОЙЛа Вагит Алекперов предупреждал, что цена на нефть в течение года может опускаться вплоть до \$25 за баррель. Представитель «Газпром нефти» на запрос не ответил, в «Башнефти»

от комментариев отказалась, ссылаясь на коммерческую тайну таких расчетов. Генеральный директор Ассоциации независимых нефтяных компаний «Ассонефть» Елена Корзун сообщила, что малые нефтяные компании считают рентабельность своих проектов при трех сценариях. При этом реалистичным считают \$60–70 за баррель в 2015 году. С такими ценами компании не будут снижать инвестиции[7].

Итак, попробуем подвести итог и обозначить роль Российской Федерации на мировом нефтяном рынке. Как мы видим, ситуация в данном рыночном сегменте изменчива, а потенциал России достаточно велик. А это означает, что, как уже упоминалось выше, при грамотном использовании имеющихся ресурсов нашу страну ждет успешное будущее и рост экономики государства, который подразумевает, в том числе, и повышение уровня жизни населения. На сегодняшний день Россия занимает позицию не самого последнего по значимости игрока на нефтяном рынке, а главное является очень перспективной.

Библиографический список

1. Россия на мировом рынке нефти [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.ereport.ru/articles/commod/rusoil.htm>
2. Рынок нефти и нефтепродуктов: комплексный анализ и прогноз до 2016 года [Электронный ресурс]. - URL: <http://marketing.rbc.ru/research/562949990019313.shtml>
3. России предрекали роль главного поставщика энергоресурсов к 2035 году [Электронный ресурс]. - URL: <http://thisentry.ru/entry/1647838>
4. Новак назвал вредным возможным рост цен на нефть выше 50 долларов [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.vz.ru/>
5. BofA-Merrill Lynch: ОПЕК сидит высоко, видит далеко [Электронный ресурс]. - URL: <http://quote.rbc.ru/comments/2016/02/05>
6. Чиновники и нефтяники назвали три сценария изменения цен на нефть [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.rbc.ru/business/03/12/2015/>
7. МЭА предсказало восстановление рынка нефти в 2017 году [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.rbc.ru/economics/22/02/2016>

Отношения между Индонезией и Россией в области торговли и инвестиций в современном этапе

Статья отражает отношение между Индонезией и Россией в современных мировых экономических отношениях

Ключевые слова: торговля, инвестиций, экономические отношения

Отношения между Россией и Индонезией насчитывают уже более полувека сотрудничества. Россия и Индонезия – не только два крупных по территории и численности населения государства, это две самобытных и древних цивилизации, два богатейших конгломерата культур. Государства прошли непростые исторические пути развития.

Наиболее перспективные направления двустороннего торгового и инвестиционного сотрудничества:

- Электроэнергетика
- Горнодобывающая промышленность, нефтегазовый сектор, металлургия
- Аэрокосмический сектор, дистанционное зондирование Земли, освоение мирового океана, телекоммуникации
- Машиностроение
- Судостроение
- Лесная и деревообрабатывающая промышленность
- Сотрудничество в финансовой и банковской сфере
- Охрана окружающей среды
- Туризм, и др.

Индонезия и Россия должны сделать диверсификацию и обеспечение большей сбалансированности взаимной торговли, совершенствование инвестиционного климата и условий ведения бизнеса для представителей деловых кругов двух стран.

По данным ФТС России, в 2014 году российско-индонезийский товарооборот уменьшился на 13,3% и составил 2567,2 млн. долл. США. При этом российский экспорт составил 918,8 млн. долл. США (-25,5%), а импорт – 1648,4 млн. долл. США (-4,6%). Отрицательное сальдо России составило 306 млн. долл.

США. По итогам 2014 года Индонезия заняла 42-ое место в рейтинге торговых партнеров России.

В январе-сентябре 2015 года двусторонний товарооборот составил

1 456,9 млн. долл. США (сокращение на 24,3% по сравнению с аналогичным периодом 2014 года). При этом экспорт России в Индонезию составил 328,8 млн. долл. США (-55,4%), а импорт из Индонезии – 1 128,1 млн. долл. США (-5,0%).

Товарооборот между Россией и
Индонезией в 2010-2015 гг.
(млн.долл. США)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Январь- Сентябрь 2014 г.	Январь- Сентябрь 2015 г.
ОБОРОТ	1912,3	2166,6	2884,0	2959,3	2567,2	1 924,4	1 456,9
<i>динамика, %</i>	+96,3	+13,3	+33,1	+2,7	-13,3	-	-24,3
ЭКСПОРТ	866,0	635,9	1310,4	1233,6	918,8	737,4	328,8
<i>динамика, %</i>	+159,1	-26,6	+106,1	-5,8	-25,5	-	-55,4
ИМПОРТ	1046,3	1530,7	1573,6	1725,7	1648,4	1 187,0	1 128,1
<i>динамика, %</i>	+63,5	+46,4	+2,8	+39,9	-4,6	-	-5,0
САЛДО	-180,3	-894,8	-263,2	-492,1	-729,6	-449,6	-799,2

Источник: ФТС России

По данным Банка Индонезии, товарооборот России с Индонезией в 2014 году сократился на 11,2% по сравнению с 2013 годом и составил 2,6 млрд. долл. США. При этом экспорт вырос на 13,1% и составил 1,1 млрд. долл. США, а импорт сократился на 22,3% и составил 1,6 млрд. долл. США. Согласно индонезийским данным, Россия в 2014 году заняла 20-ое место среди внешнеторговых партнеров Индонезии по объему товарооборота.

В структуре российского экспорта в Индонезию в январе-сентябре 2015 г. основная доля поставок приходится на следующие товарные группы:

- минеральные продукты – 38,0% всего объема экспорта (в январе-сентябре 2014 г. – 64,2%);
- продукция химической промышленности, каучук – 39,1% (15,9%);
- металлов и изделий из них – 10,5% (5,3%).

- Удельный вес древесины и целлюлозно-бумажных изделий – 8,5% (5,5%), продовольственных товаров и с/х сырья – 3,3% (5,7%), машин, оборудования, транспортных средств – 0,6% (3,2%).

По данным ФТС России, в январе-сентябре 2015 года прирост российского экспорта в Республику Индонезию по сравнению с аналогичным периодом 2014 года зафиксирован по следующим товарам:

- продукция химической промышленности, каучук: 128,5 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 117,0 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (увеличение на 9,8%).

В стоимостном выражении в январе-сентябре 2015 года по сравнению с аналогичным периодом 2014 года сократился российский экспорт в Индонезию следующих товаров:

1) минеральные продукты: 125,0 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 473,7 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 73,6%);

2) древесина и целлюлозно-бумажные изделия: 28,0 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 40,8 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 31,2%);

3) машины, оборудование и транспортные средства: 2,0 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 23,6 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 91,7%);

5) металлы, изделия из них: 34,5 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 38,9 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 11,5%).

Структуру импорта из Индонезии в январе-сентябре 2015 г. формируют:

1) продовольственные товары и с/х сырье – 54,7% (январь-сентябрь 2014 г. – 47,1%);

2) машины, оборудование и транспортные средства – 15,4% (14,1%);

3) продукция химической промышленности, каучук – 12,9% (13,6%);

4) текстиль, изделия из него, обувь – 11,2% (17,5%);

5) металлы и изделия из них – 1,5% (1,9%);

6) древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 1% (0,8%);

7) кожевенное сырье, пушнина и изделия из них – 0,4% (0,5%).

По данным ФТС России, в январе-сентябре 2015 года наибольший прирост российского импорта из Республики Индонезии по сравнению с аналогичным периодом 2014 года зафиксирован по следующим товарам:

1) продовольственные товары и с/х сырье: 617,0 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 559,4 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (увеличение на 10,2%);

2) древесина и целлюлозно-бумажные изделия: 11,5 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 9,5 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (увеличение на 21,0%).

5) машины, оборудование и транспортные средства: 173,5 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 167,8 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 3,4%).

По данным ФТС России, в стоимостном выражении в январе-сентябре 2015 года по сравнению с аналогичным периодом 2014 года сократился российский импорт из Индонезии следующих товаров:

1) текстиль, изделия из него, обувь: 126,4 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 207,6 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 39,1%);

2) продукция химической промышленности, каучук: 145,8 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 161,4 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 9,7%);

3) металлы, изделия из них: 16,8 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 22,9 млн. долл. США в первом полугодии 2014 г. (падение на 27,0%);

4) кожевенное сырье, пушнина, изделия из них: 4,3 млн. долл. США в январе-сентябре 2015 г., 6,3 млн. долл. США в январе-сентябре 2014 г. (падение на 31,8%);

Экономические отношения являются ключевым компонентом этого динамичного партнерства и вновь выразили уверенность в доведении в ближайшее время двустороннего товарооборота. Важность активизации взаимодействия между частными компаниями двух стран, которое является неотъемлемым элементом

нового уровня отношений между Россией и Индонезией. Несмотря на рост объёма двусторонней торговли, значительную долю российского экспорта в Индонезию составляют товары сырьевой группы. В связи с этим актуальной остаётся задача диверсификации и улучшения структуры российско-индонезийских торгово-экономических связей путём их трансформации и постепенного перевода в большей степени в сферу научно-технического и инвестиционного сотрудничества

По данным Банка России, в январе-марте 2015 года объем прямых российских инвестиций в экономику Индонезии составил 4 млн. долл. США, прямые индонезийские инвестиции в экономику России в указанный период не поступали.

По данным Агентства по координации инвестиций Индонезии (BKPM), в 2014 году Россия заняла 36-е место в списке стран-инвесторов в Индонезии с общим объемом инвестиций 3,6 млн. долл. США в рамках 25 проектов, что на 125% больше, чем в предыдущем году (1,6 млн. долл. США и 12 проектов).

Инвестиционное сотрудничество Россия-Индонезия в 2010-2015 гг.

(млн. долл. США)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Ян- варь- Март 2014 г.	Ян- варь- Март 2015 г.
Прямые иностранные инвестиции из России	-	2,8	1,7	2,8	5,3	0,5	4
Прямые иностранные инвестиции в Россию	-	-	-	-	1,6	0	0

Источник: Банк России

Эффективным механизмом сотрудничества является Деловой Совет по сотрудничеству с Индонезией, созданный 10 ноября 2009 г. В настоящее время в стадии реализации находятся следующие крупные проекты российско-индонезийского сотрудничества:

- Проект сотрудничества АКК «Воздушный старт» и PT Air Launch Centra Nusa в области строительства аэрокосмического комплекса на о. Биак (провинция Зап.Папуа) для вывода на орбиту спутников при помощи самолета-носителя Ан-124-100ВС «Руслан», предполагающий создание космической транспортной системы / инфраструктуры мирового уровня для наиболее эффективного и экономически выгодного запуска космических аппаратов на экваториальные и околоэкваториальные орбиты.

- Проект сотрудничества между ОАО «Силовые машины» и индонезийской государственной энергетической компанией PT Perusahaan Listrik Negara (PT PLN). В августе 2009 г. между ОАО "Силовые машины" и PT PLN подписан протокол о намерениях организации поставок российского энергетического оборудования на объекты энергетики Индонезии. Участие России в реализации национальной программы ускоренной электрификации Индонезии «10000 МВт – второй этап» будет способствовать расширению российско-индонезийского сотрудничества в сфере энергетики.

- Перспективным направлением сотрудничества должно стать участие СМ в строительстве электростанции мощностью 2Х660 МВт в Индрамаю, (Западная Ява). Ранее обсуждалась также возможность участия "Силовых машин" в консорциуме с российской компанией "ЭМАльянс" и индонезийским партнером PT Wijaya Karya в строительстве энергоблока мощностью 660 МВт для на ТЭС "Чилачап" (Ц.Ява).

- В апреле 2007 подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области разведки и разработки нефтегазовых месторождений в Индонезии, России и третьих странах между компанией «Лукойл Оверсиз» и государственной нефтегазовой компанией PT Pertamina.

- Проект внедрения в Индонезии комплекса методов увеличения нефтеотдачи старых нефтяных скважин, технологий очистки резервуаров нефти и нефтепродуктов, технологий разведки полезных ископаемых, продвигаемый нефтяной инновационной компанией «Петрос Групп», в начале 2010 г.

- Соглашением о сотрудничестве между ЗАО «Синтезнефтегаз» (Группа «Синтез») и индонезийской компанией Archipelago Resources, подписанном в 2007 г.

- В этой связи также весьма перспективной представляется проработка проектов участия российских компаний в строительстве объектов газотранспортной инфраструктуры, добыче, транспортировке, хранению и переработке углеводородного сырья.

- ФГУП «Гознак» с 2001 года успешно участвует в регулярных тендерах Банка Индонезии (ЦБ страны) на поставку банкнотной бумаги. При этом компании удалось внедрить собственные защитные знаки в некоторые номиналы. На сегодняшний день «Гознак» является главным поставщиком банкнотной бумаги для Банка Индонезии;

- Специалистами ОАО «Информационные спутниковые системы имени академика Решетнева» (ИСС) в первом полугодии 2012 года были завершены работы по созданию наземного комплекса управления спутником TELKOM-3, изготовленного по заказу индонезийского оператора связи PT Telekomunikasi Indonesia Tbk (Telkom) в рамках контракта, заключенного в марте 2009 года на поставку «под ключ» геостационарной связной спутниковой системы TELKOM-3.

- В конце мая 2012 года КА «Телком-3» успешно прошёл полный цикл наземных испытаний, в ходе которых была организована связь между индонезийским ЦУП и космическим аппаратом TELKOM-3, установленным на стапеле заводских испытаний в ИСС.

- Однако, как известно, запуск спутника 6 августа 2012 года завершился неудачей в результате неполадок в топливной системе разгонного блока "Бриз-М", не позволивших вывести аппарат на заданную геостационарную орбиту.

- Российская сторона предложила индонезийским партнерам изготовить новый спутник взамен утерянного с поставкой в течение 22-24 месяцев. Ответ ожидается после урегулирования индонезийской стороной вопросов, связанных с выплатой страхового возмещения.

- Сотрудничество между Лабораторией Касперского и индонезийскими компаниями - дистрибьюторами PT Optima Solisindo Informatika и PT Astrindo Starvision по продвижению продукции ЛК (антивирусного ПО) на индонезийский рынок.

Мы можем сделать вывод о том, что отношения торговли и инвестиций имеет хороший рост, даже объем остается низким, но

есть усилия, которые приводят развивать объем торговли и инвестиций между двумя странами. Торгово-экономическое взаимодействие Москвы и Джакарты имеет большой потенциал. торгово-экономические отношения двух стран будут активно развиваться, в том числе по новым направлениям, с учетом того, что вновь избранный президент Республики Индонезия намерен развивать страну как морскую державу. По мнению что есть три основные приоритеты в отношении сотрудничества между Россией и Индонезией, в области вооружения, атомной энергетики и проекты инфраструктуры в ближайшее время в связи с видением и миссией правительства Индонезии .

Новое правительство будет сосредоточена на трех приоритетах в области развития, связанных с развитием инфраструктуры, энергетической безопасности и продовольственной безопасности.

- В области развития инфраструктуры, Индонезия планирует связать все существующие острова путем разработки и совершенствования морского порт. а также развивает новое строительство в районе, недалеко от моря. внутри острова, Индонезия также планирует увеличить связь между городами и сельскими районами, чтобы облегчить передвижение людей и товаров.

- В целях повышения энергетической безопасности, Индонезия планирует построить новые электростанции в ближайшие пять лет, чтобы произвести 35.000 МВт для удовлетворения национальных потребностей. Эти новые электростанции могут быть получены из ископаемого основы и новой энергии являются экологическим чистых и возобновляемых. В 2025 году Индонезия планирует использовать 23% возобновляемых источников энергии в национальном энергии.

- Связанные с продовольственной безопасностью, Индонезия планирует построить 25 новых плотин в течение пяти лет, а также активизации деятельности и построить орошение более 65000 га.

В инфраструктурном проекте, в 2011 году назад, желание России инвестирует строительство железных дорог в Индонезии. Финансирование строительства в объеме до 2 миллиардов долларов будет организовано в виде займов от крупнейших международных банков. Кроме того Индонезия будет сочтено необходимым

увеличение энергетической безопасности потому что ископаемое топливо ослабевает. Энергетический кризис бывает в Индонезии. На острове Ява, только 30 процентов площадей, которые имеют электричество. Индонезия не может полагаться исключительно на традиционные источники энергии, такие как уголь и природный газ. Батан и Росатом подписали меморандум о взаимопонимании (МОВ). МОВ предусматривает соглашение образование и развитие исследований для создания инфраструктуры и устойчивое ядерных систем в Индонезии. ГК «Росатом» представил концепцию развития атомной энергетики в Индонезии, в качестве пилотного проекта которой может рассматриваться строительство экспериментального атомного реактора мощностью 10 МВт в технопарке Серпонг (Индонезия)

В области вооружения, Индонезия очень заинтересована в покупке военной техники из России. Индонезия интересуется купить десять военных самолётов Су-35 с помощью средств государственного бюджета 2016 года. Россия является одной из стран, которая имеет большой потенциал, который находится в области военной обороны и сотрудничества в сфере безопасности. Россия предлагает свое оружие по низкой цене без любых политических требований. Они также готовы следовать механизмы бартера, товар замена и может предложить кредитную программу. В географическом Индонезия является очень широкие, охватывающие тысячи островов от Суматра до Папуа, что объяснил, что Индонезия требует сильную и современную армию, чтобы держать национальную безопасность.

Библиографический список

1. "Росатом" и Индонезия подписали меморандум по АЭС. 17.09.2015 – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/62455>(дата обращения:26.11.2015)
2. Деловой совет по сотрудничеству с Индонезией//<http://bcri.ru/ru/business-council>(дата обращения:20.10.2015)
3. Россия–Индонезия: к новым горизонтам сотрудничества.Опубликована в СМИ Индонезии 5 сентября 2007 года- URL:<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24511>(дата обращения:05.12.2015)
4. Товарооборот между Россией и Индонезией в 2010-2015 гг. Деловой совет по сотрудничеству с Индонезией//<http://bcri.ru/ru/business-council>(дата обращения:15.02.2016)
5. Тюрин, Сергей. Россия – Индонезия: новый уровень отношений. 22 октября 2014-URL:http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5094.html(дата обращения:10.12.2015)
6. Цыганов, Михаил. РЖД рассчитывает до 2016 года построить в Индонезии железную дорогу. 27.10.2011-URL: <http://ria.ru/company/20111027/472630650.html>(дата обращения:19.11.2015)
7. Al rasyid, Fauzan. Kementrian Pertahanan Indonesia: Mentri Pertahanan RI berencana membeli 10 pesawat SU-35. 09/03/2016.- URL:http://indonesia.rbth.com/news/2016/02/09/menhan-ri-indonesia-beli-sepuluh-unit-su-35_566165(дата обращения:23.03.2015)
8. Kementrian Luar Negri Indonesia. Kebijakan kerja sama regional/ URL: <http://www.kemlu.go.id/id/kebijakan/kerjasama-regional/Pages/APEC.aspx>(дата обращения:26.12.2015)

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Нуари Малалааривуни Ралафиариндаза

Партийная конкуренция в Республике Мадагаскар до и после кризиса 2009 года

В данной статье анализируется важность становления института политических партий и политической конкуренции на современном Мадагаскаре, приводятся характеристики межпартийной конкуренции до и после политического кризиса 2009 года. Особое внимание уделено особенностью функционирования политической конкуренции в стране.

Ключевые слова: Мадагаскар, кризис, партийная конкуренция, демократия, политика

In this article, we analyze the importance of the establishment of an institute of political parties and political competition in modern Madagascar, the characteristics of that interparty competition before and after the political crisis of 2009. Particular attention is paid to the particularity aspect of the political competition in the country.

Keywords: Madagascar, crisis, interparty competition, democracy, politics

Оценивая условия, в которых сформировались конкурентные практики, а также основные культурно-исторические особенности соревнования политических элит в Республике Мадагаскар, следует отметить влияние нескольких факторов.

Первым фактором выступает роль церкви как посредника между политическими партиями. Говоря о политике Мадагаскара, невозможно исключить место церквей как субъекта, который оказывает влияние на политику и на политические партии в частности.

Как и во многих африканских странах «демократический транзит» в Мадагаскаре с 1991 года означал переход политической системы от авторитаризма к демократии. В Мадагаскаре этот процесс сопровождался возрастающей некомпетентностью управленцев и общим снижением уровня жизни. В связи с этим возросли требования построения системы, которая уважает всеобщее избирательное право и создает условия для экономического развития и социального прогресса.

Этот переход сопровождался конфликтом между несколькими основными акторами: представителями старого режима, которые несмотря на их неудачи, еще имели большую сеть влияния, и сторонниками нового порядка, которые были весьма многочисленны, но не скреплены в единую «сеть». В такой конфликтной ситуации ни одна из партий не имела решающих преимуществ. Для арбитража и разрешения тупиковой ситуации они прибегли к влиятельным лидерам христианской церкви.

В практике африканской публичной политики обычно лидерские позиции занимают личности, которые принимают все конфессии. Но на Мадагаскаре в то время сложилась иная ситуация. В роли объединяющей структуры выступил ФФКМ (Совет христианских церквей Мадагаскара).

Из населения Мадагаскара численностью в 22 миллиона примерно половина относится к традиционной религии и 40% приверженцы разных ветвей христианства [1]. В силу исторических причин четыре церкви являются членами ФФКМ: католическая церковь, протестантская церковь (ФЖКМ), Лютеранская церковь (ФЛМ) и Англиканская (ЕЕМ). Объединение этих церквей фактически не превышает 40% населения Мадагаскара, и они тем не менее оказывают большое влияние на политику этой страны, особенно в борьбе за власти между партиями [2, Р. 318-336].

Из этих четырех церквей католическая была первой, которая задавала вопрос о воздействиях проводимой политики на протяжении более века, а протестанты показали главным образом националистическую позицию некоторых из их пасторов (самым известным из них был Равелуджауна [3, Р. 216, Р. 256, Р. 249]). Благодаря социальным учениям католическая церковь имеет ряд принципов, которые позволяют участвовать в политической жизни, в то же время эта церковь не сливается с политикой. Эти принципы дают обычным жителям право свободно участвовать в политике.

Когда рухнул режим отца независимости Мадагаскара Филибер Циранана, католическая церковь способствовала проведению изменений без насилия, отвергая племенные противоречия и идеологические манипуляции. Еще при военном правлении 1975 года католическая церковь была первой, кто

публично выступал против злоупотребления властью партии (АРЕМА). Затем другие церкви поддержали католическую церковь. Это способствовало созданию Союза церквей ФФКМ в 1980 году. В 1982 этот Союз провёл первый конгресс, и с этого времени влияние Союза в сфере политики страны усилилось. ФФКМ, например, стал играть большую роль в разрешении политических конфликтов среди политических партий. Последним большим вкладом этого союза было национальное примирение с декабря 2014 года до апреля 2015 года для выхода страны из кризиса, который длился с 2009 года пять лет.

Вторым фактором выступает восприятие лидеров партий как родителей (патриархальный тип политической культуры)

Для малагасийского общества, принцип “Fihavanana [4]” занимает особое место в социальной, экономической и даже политической жизни страны. Это понятие, которое обозначает родство, дружбу и добродетельность. Согласно этому понятию, каждое общество на Мадагаскаре должно следовать некоторым правилам. Одним из них является уважение к старшим. В политической жизни страны, начиная с периода князей, руководителей почитают как старших. В настоящее время лидеров партий принимают за старших.

Мадагаскар с 2009 года пережил тяжёлый кризис. Из более 200 политических партий четыре являются самыми главными, это партии четырех бывших Президентов Мадагаскара. Для разрешения этого кризиса ФФКМ (Совет христианских церквей Мадагаскара) и Африканский союз организовали национальное примирение, которое должно было проводиться между всеми политическими силами страны, но для облегчения такого длительного процесса, было решено проводить примирение только между лидерами этих партий (Марк Равалуманана из партии ТИМ [5], Андри Раджуэлина (ТЖВ) [6], Дидье Рацирака (АРЕМА) [7] , Альберт Зафи и настоящим Президентом страны Хери Раджаунариампианина (из партии ХЕРИ [8]).

Третьим фактором выступает наличие собственных национальных концептов, которые регулируют межпартийную конкуренцию и политическую систему в целом.

Демократия и свободная конкуренция между партиями остаются желанной концепцией, но это, кажется, недоступно для

малагасийских лидеров. «Демократия и реальная конкуренция на Мадагаскаре являются поверхностными. Мы всегда говорим о них, но они никогда не были реализованы».

Больше чем где-либо демократия на Мадагаскаре сильно связана с его монархической историей и его изолированностью (как страна между двумя континентами – Африкой и Азией). После получения независимости Мадагаскар, как и другие африканские страны, принял многопартийную систему (в настоящее время на Мадагаскаре более 250 политических партий). Но численность политических партий этой страны не так сильно влияет на ее уровень демократизации.

По мнению генерала Дезире Рамакавелу, Мадагаскар уже до колонизации имел свою собственную форму демократии: «Дина» - вид общественного договора между народом и лидерами, а также между политическими объединениями, которые управляли политической и социальной системой страны. «Дина» регулирует отношения между правителями и управляемыми. Никто не был выше «Дина». По мимо «Дина» социальная система управлялась и «Фихаванана» - вид братства, который объединял весь народ страны.

Таким образом, можно отметить, что ряд факторов влияют на межпартийную конкуренцию в республике Мадагаскар. Это во-первых место и роль церквей в обществе, так как религиозная принадлежность очень сильно влияет на формирование партийных элит и на политическую систему в общем. Во-вторых, это сохранение социо-культурных предпосылок управления обществом (геронтократия), согласно которой лидеры и элиты воспринимаются как родители. И в – третьих, это наличие собственных национальных концептов которые также сильно влияют на политическую конкуренцию настоящего времени.

Конкуренция в период выборов до кризиса 2009 года характеризовалась:

- монополией партии ТИМ;
- ростом количества экономических элит;
- электоральным полем, в котором большинством являются крестьяне, так как они были основными партизанами партии ТИМ.

Стратегиями политических партий в данных условиях выступили:

- использование религиозной принадлежности элит, особенно для партии ТИМ, слоганом которой был «Finoana-Fahamarinana-Fahamasinana» (Вера-Правда-Истина) и использование библейских стихов, как «не бойся, только веруй»;
- использование личного богатства в пропагандах, большинство элит страны были миллионерами и кандидаты не полностью зависят от их партий;
- использование и распространение негосударственных радиостанций;
- использование имиджа кандидатов как «self-made men»;
- выдвижение программы реконструкция дороги;
- политическая программа партии ТЖВ, направленная на развитие молодежи.

Основными особенностями межпартийной конкуренции Мадагаскара в этот период стали следующие:

- На Мадагаскаре история политической партии, как правило, связана с политической карьерой и даже личностью ее основателя. Последний, как правило, владелец системы патронажа внутри партии, считается, и / или считает себя отцом, а не лидером: за ним часто последнее слово, несмотря на предписания и устав партии. Удаление власти, отставки или смерть лидера часто является причиной снижения, удаления с политической сцены или раскола в партии.
- Финансирование политических партий не закреплено законодательно. Поскольку государство не оказывает им никакой помощи, то политические партии должны выполнять роль государственной службы, по крайней мере, через свои роли и функции в рамках институтов государства и общества в целом. В ходе обсуждения вопроса регулирования финансирования партий президентам партий АРЕМА и ТИМ была очень неохотно принята идея создать систему финансирования политических партий со стороны государства. Несмотря на их национальный масштаб, широкий территориальный охват, усилия по демократизации, АРЕМА и ТИМ пытаются выиграть выборы на фоне отсутствия финансирования других партий. Последние оказывают противостояние или остаются внепарламентскими партиями. Это происходит либо через изменение партии и коалиции, либо через создание новой коалиционной группы. Например, при мандате

1993-1997 гг. , Lider - Fanilo была одной из самых стабильных групп, ФАМИМА и АКФМ - Fanavaozana, МФМ / ФВР и РПСД, напротив, были наиболее неустойчивыми. [9, Р. 99]

- Отмечается низкий коалиционный потенциал из-за множества политических партии. Это прежде всего происходило до политического кризиса 2009 года, поскольку у каждой партии были разные политические цели и идеологии. Благодаря кризису стало очевидно объединение между партиями, особенно в парламентах и, следовательно, рост уровня конкуренции в политической сфере.

- Фактическая несостоятельность императивного мандата.

- Идеологическая размытость, вызванная ,как минимум, двумя причинами. С одной стороны, это остатки колониального периода в малагасийской политике, которые ведут к трудностям формирования своего собственного политического направления и копированию идеологии у Франции. С другой стороны, это большое число малагасийских политических партий (после кризиса их число достигает более 300) и трудность выбора одной национальной идеологии.

- Отсутствие обратной связи с избирателями. Политические партии редко организуют встречи в соответствии с процессом назначения кандидатов или поддержки кандидатов от других партий. Так было с «президентскими» партиями ТИМ, ЮНДД и АРЕМА на президентских выборах 2006 года. Репрезентативность на национальном и местном уровне у партий может отличаться. Партии слабо закреплены на национальном уровне, в отличие от местного. Действуют хорошо структурированные партии по всей стране, которые в то же время не имеют ожидаемых результатов на национальных выборах. Участие женщин в политических партиях остается незначительным. До 2009 года по сравнению с официальным числом зарегистрированных политических партий, женщины-лидеры партий не являлись исключением. Большинство женщин теперь являются лидерами партий, среди них Елья Равелумананцуа из «Наш Мадагаскар», Брижит Расамуела из АМП, Ивет Силла из МАМА, Сарах Жоржет Рабеарисуа из «Достоинство Мадагаскара», которые стали учредителями своих партий. До этого женщины не были председателями партий.

- Слабое представление политических партий на местном уровне. При разных выборах можно легко отметить этот феномен благодаря высокому участию беспартийных кандидатов и сильному недоверию населения к этим партиям.

- Четкая ориентация политических партий на определенные группы электората, поддержкой которого они традиционно пользуются.

- Межпартийная конкуренция на Мадагаскаре переросла во внутриэлитную конфронтацию, но политическая и культурная элита страны часто выступает на стороне партии власти.

- Работа политических партий направлена не на привлечение новых сторонников, а на мобилизацию уже имеющих, из чего следует сделать вывод, что ни одна из политических сил не стремилась осваивать несвойственные для себя электоральные группы (например, никто не пытался завоевать симпатии молодежи) (до 2007 г).

- Активная работа всех политических партий с протестным электоратом.

Модель межпартийной конкуренции на Мадагаскаре была выстроена по принципу «партия власти versus оппозиционные партии».

Среди стратегий политических партий в период выборов с 2009 года, можно выделить следующие:

- Альянс с сильными партиями страны (АВАНА с ТИМ и ХЕРИ с ТЖВ).

- Программа о национальном воссоединении после кризиса.

- Использование влияния бывших президентов для повышения популярности новых партий.

- Использование идей о региональной принадлежности кандидатов для получения определенного результата на определенных местах, даже если это противоречит программе унификации страны.

Таким образом, политическая конкуренция в период выборов с 2009 года характеризуется продолжением острой конкуренции между двумя партиями (ТИМ и ТЖВ), но вовлечением в нее «вторичных» партий (АВАНА и ХЕРИ) и появлением разных новых партий на политической арене Мадагаскара.

Партийная система на Мадагаскаре является нестабильной. Партии основываются не столько в рамках политических идей, сколько в интересах тех, кто их создает. Элиты часто используют партизанские организации, как сети, чтобы сохранить свою власть. С момента приобретения независимости все партии были созданы лидерами во главе политической системы для того, чтобы контролировать парламент. Лишь несколько партий могли пережить неудачи своих лидеров на президентских выборах, и почти ни одна не была в состоянии сохранить свое влияние. Лидер выделяет значительные ресурсы для своего удержания у власти. Конкуренция между партиями очень редко используется для достижения общественного интереса или расширения политического участия.

Итак, Мадагаскар - молодая страна на пути демократии, которая использует способы влияния в сфере политической конкуренции. Она столкнулась с трудностями перехода от традиционной практики политики, от социализма к демократическому пути развития. Конкурентная политика на Мадагаскаре характеризуется преобладанием французской политической практики с некоторыми особенностями, такими, как: элитарная демократия с ролью лидеров партий в этой политической войне.

Еще важно отметить, что создание условий для развития механизмов политико-правового регулирования политической конкуренции вводит жесткий и открытый для социального контроля запрет на участие в политической борьбе органов власти любых уровней и всех ветвей, дальнейшее укрепление реальной многопартийности с обеспечением полноценного и равного участия партий в политической жизни. Усиление негативных тенденций в развитии политической конкуренции в современном малагасийском обществе следует рассматривать как дискредитацию поставленных реформаторами целей, как кризис демократической модели, перспективы выхода из которого просматриваются только в направлении укрепления правовых начал государственности, совершенствовании законодательной базы и стимулирования развития структур гражданского общества. Это предполагает повышение уровня массового политического сознания и укрепление позитивной, социально ответственной гражданской позиции.

Партийная конкуренция в республике Мадагаскар отражается через три аспекта:

- Происхождение и ресурсы политических элит, и их стратегии, которые слишком сильно направлены на достижение личных интересов в политической борьбе.

- Электоральная база и отношение к политике у населения: здесь характерен невысокий интерес народа к политике и, следовательно, низкий процент участия на выборах. Особенно на электоральную базу влияет специфика политической культуры страны.

- Межпартийная коммуникация и способы взаимосвязи: разные виды лоббизма и кооперация между партиями, особенно в парламенте.

В силу того, что политические организации на Мадагаскаре в большинстве случаев оставались аморфными образованиями, они не имели четких программных установок, что отразилось и на современной ситуации. Значительная часть объединений коренного населения, имевших политический характер, создавалась на этнической или этнорелигиозной основе. Именно поэтому коммуникативные стратегии конкуренции направлены не на межпартийное взаимодействие, а на риторику привлечения электората, которая «перевешивает» внутриинституциональные практики политического соревнования, когда должны применяться не столько технологии «харизматичных лидеров», сколько консенсусные практики.

Библиографический список

1. Tout Madagascar/Religions et croyances. [Электронный ресурс]. – URL: <http://guide.toutmada.com/religions-et-croyances/decouvrir121.html>
2. Madagasikara sy ny fivavahana kristianina. - Antananarivo, Ambozontany, 1992. - 518 p.
3. Eglise et société à Madagascar. Textes bilingues des évêques de Madagascar (tome I :1889-1960, tome II : 1960-1975 ; tome III :1975-1989), Antananarivo, Foi et Justice,1990, 216, 256 et 249 p.
4. Le fihavanana à toutes les sauces politiques et religieuses, mercredi 29 avril 2015, par Léa Ratsiazao. Tribune Madagascar. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.madagascar-tribune.com/Le-fihavanana-a-toutes-les-sauces,21070.html>
5. От малагасийского TIM (Tiako I Madagasikara – Я люблю Мадагаскар). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tim-madagascar.org/>
6. От малагасийского TGV (Tanora Malagasy Vonona - Молодые решительные малагасийцы). [Электронный ресурс]. – URL: <http://tgv.centerblog.net/>

7. От малагасийского AREMA (Association pour la renaissance de Madagascar – Ассоциация для возрождения Мадагаскара). [Электронный ресурс]. – URL: <http://parti-arema.com/le-parti>
8. От малагасийского HERU (СИЛА). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.heryvaovao.com/>
9. Франсуа Рубо. Персоны и переход к демократии. - L' Harmattan, 2000. - С.99

Имидж президента России Владимира Путина в КНР

В.В. Путин стал президентом России в 2000 г., когда страна всё ещё находилась в тяжелом экономическом и политическом кризисе, начавшемся после распада СССР. На него были обращены взгляды не только россиян, но и всего мира, включая китайцев. В связи с тем, что государственная идеология и государственный строй в России изменились с приходом к власти Б. Ельцина, китайские СМИ считали, что «новая», «не-социалистическая» Россия представляет проблему для Китая, так как демонстрирует «отрицательный пример» отхода от коммунистической идеологии.

Однако после вступления в должность президента России В. Путина, его образ в китайских СМИ постепенно менялся. Сначала китайцы сомневались в том, что новый президент, который с экрана телевизора выглядел в то время серьезным, напряженным и немного нерешительными не обладал таким красноречием, как М. Горбачев, сможет вывести Россию из тяжелого кризиса. Однако постепенно под руководством В. Путина страна стала выходить из кризиса. Так, с 1999 по 2009 годы ВВП страны вырос на 70%. Нет сомнений в том, что Россия уже добилась больших успехов в социально-экономической сфере и русский народ победит все трудности.

В последние годы Россия начинает восстанавливать на международной арене свое положение мировой державы: ее военные корабли и дальняя авиация, стратегические бомбардировщики снова появляются в стратегически важных районах мира. Влияние России на решение глобальных проблем становится сильнее.

На протяжении последних нескольких лет китайцы наблюдали за российским президентом: как Владимир Путин руководил Россией, как он решал социально-экономические и политические проблемы внутри страны и за ее пределами, как Россия постепенно выходила из тяжелого кризиса. В Китае о нем было опубликовано много статей, изданы книги, проходили научные конференции, на которых обсуждались его внутри- и внешнеполитический курс. Проанализировав которую, можно выделить основные черты «портрета» В. Путина, представленного в Китае.

Прежде всего, следует отметить, что российский президент имеет в КНР широкую поддержку благодаря китайским средствам массовой информации, предоставляющим значительный массив косвенной имидже формирующей информации. Китайские журналисты представляют образ «идеального Путина», публикуют фотографии, показывающие российского президента с лучшей стороны как образец мужской красоты. Так сформировался привлекательный личностный имидж В. Путина. На растиражированных в китайском Интернете photographиях Путин играет мускулами, демонстрируя обнаженный торс, эффектно ездит на лошадях, летает на самолетах и обнимается с тиграми, по-отечески ведет себя с детьми.

Китайской общественности особенно импонирует уважительное отношение В. Путина к советскому периоду в истории России. Так, например, в 2004 году на сайте популярного в Китае агентства новостей «Синьхуа» появилось сообщение о том, что «Путин и дал приказ о присвоении Сталинграду звания города-героя», что было положительно воспринято китайскими СМИ.

Анализ комментариев популярного в Поднебесной портала «Байду» (китайская версия «Гугла») показал, что президент России представляется рядовым китайцам «настоящим мужчиной». Так, один из пользователей портала написал, что Путин является «идеалом для русских женщин» и «не относится к тем смазливym красавчикам, что обычно нравятся людям», и «у него есть свой шарм». Он импонирует многим китайцам, которые любят сильных харизматичных лидеров и описывают Путина как: «мудрого и ответственного», «мужчину с железной волей», который «ничего не боится» и «держится с достоинством».

Однако стоит отметить, что многие поступки и высказывания, приписываемые Путину китайскими СМИ, на самом деле никогда не происходили и не высказывались. В китайском интернете есть популярная статья, в которой собраны путинские принципы «настоящего мужчины». Среди прочего, в ней есть такие пункты, как: «если ты не готов к войне, то не поднимай оружие» или «наша страна огромная, но в ней нет ни пяди лишней земли». Однако по данным одного из новостных сайтов fengchina.com все эти цитаты вымышленные. Тем не менее, такие представления о Путине

очень распространены в Китае, что свидетельствует об идеализации его образа.

Для развития межгосударственного сотрудничества большое значение имеет хорошая профессиональная репутация и имидж. В этом вопросе Путину, пожалуй, нет равных. Одной из важных причин любви китайцев к Владимиру Путину является его дружественное отношение к Китаю. Во время пребывания в должности президента Путин подписал много важных соглашений между нашими странами таких, как, Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 года, декларация о создании Шанхайской Организации Сотрудничества от 15 июня 2001 года, соглашение между Министерством науки и образования России и Министерством образования Китайской Народной Республики и о сотрудничестве в области образования (ноябрь 2006 г., Пекин), соглашение между РФ и КНР о сотрудничестве в сфере поставок природного газа.

Кроме того, российский президент окончательно решил территориальную проблему, которая тяготила обе стороны в течение многих лет. В результате демаркации российско-китайской границы в 2005 году острова Тарабаров и половина Большого Уссурийского были переданы в 2008 году КНР и введены в состав провинции Хэйлунцзян. Таким образом, в настоящее время взаимоотношения России и Китая можно охарактеризовать как сотрудничество партнёрство.

Конечно, в Китае раздаются и другие голоса о том, что Путин не надежен, не верен своему слову, так как отказался от проекта нефтепровода «Ангарск – Дацин», он привык изменяться как хамелеон, для него наиболее значима собственная выгода, он по должности – президент, а по сути своей – спекулянт. Есть и такое мнение, что он продает оружие Индии и Китаю, но все время поставляет Индии оружие лучшего качества, чем КНР. По мнению некоторых китайских граждан, дружба Путина только формальная, а в глубине души он не верит Китаю и не раз его обманывал. В качестве подтверждения этих слов приводится ситуация с разделом островов около Хабаровска, которая не устраивает Китай. Путин вмешивался в 2013 г. в конфликт Китая с Филиппинами, Малайзией, Вьетнамом по проблеме территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях в ущерб интересам КНР.

Однако стоит отметить, что все эти факторы не оказали заметного отрицательного влияния на образ Владимира Путина и не помешали поддержке Путина в Китае, уровень которой стабильно составляет около 90%. Примечательно, что такого уровня поддержки внутри России у него никогда не было.

Одной из причин позитивного восприятия Путина в Китае является его независимость от стран Запада и США. Его внешнеполитический курс отражает настроения китайского общества относительно политики собственного государства. В ходе реформ с 1978 г. до сегодняшнего дня в Китае обострился целый ряд социальных проблем, как, например, разрыв между бедными и богатыми, поэтому немалое количество людей ностальгирует о прошлом периода правления Мао Цзэдуна.

Китай до сих пор с горечью вспоминает о десятилетиях унижений, связанных с Опиумными войнами, когда страна оказалась в подчиненном положении и была поделена западными державами на сферы влияния. Фактически этот период закончился только с образованием КНР в 1949 г. Профессор Пекинского Транспортного Университета Ван Юаньфэн отмечает, что с того момента люди, которые не боятся конфликтовать с Западом, быстро могут снискать славу и уважение китайского народа. Согласно его мнению, китайцы поддерживают Путина по той же причине, по которой они вспоминают Мао Цзэдуна.

В то время как Китай идет по пути мирного развития, его внешнеполитический курс, по мнению многих китайцев, стал слишком слабым, особенно в деле урегулирования территориальных споров. Эта слабость очень контрастирует с той жесткостью, которую Китай показывал до начала политики реформ и открытости.

Китайцы хотели бы видеть более сильную внешнюю политику, которая позволила бы решить вопросы разграничения территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. А Россия при Путине «стала примером для подражания». Российский президент не ждет, а «наносит ответный удар, когда кто-либо посягает на суверенитет страны и ее территориальную целостность».

Другим достижением Путина, которое было с восхищением воспринято китайцами, стала его антикоррупционная кампания. В последние годы в России была введена система, по которой чи-

новники обязаны декларировать свое имущество — шаг, давно обсуждаемый в Китае, но до сих не принятый к исполнению.

Анализируя популярность российского президента, многие обращают внимание на то, что Китай — это страна с тысячелетней историей феодализма, и поэтому люди просто привыкли к «сильной руке». Именно это качество и нравится им в Путине.

Таким образом, совокупность всех вышеописанных факторов привела к тому, что Владимира Путина стали называть в Китае «Путиным Великим».

Из приведенного выше анализа, можно сделать вывод о том, что положительный имидж В.Путина в КНР обусловлен несколькими причинами. Во-первых, дружеские взаимоотношения между КНР и РФ, особенно после того, как В. Путин вступил на должность президента и взял курс на сближение двух стран. Во-вторых, Россия под его руководством вышла из тяжелого политического и социально-экономического кризиса, восстанавливала и увеличивала своё влияние на международной арене, что является позитивным примером для китайского руководства. В-третьих, его личная харизма, необыкновенный карьерный путь, от агента КГБ в СССР до президента России, а также его личные качества сильной и волевой личности.

В настоящее время народ Китая не очень доволен внешним курсом своего государства, считая его слишком слабым. На этом фоне жёсткие меры, проводимые В. Путиным по отношению к странам Запада и США, вызывают уважение и одобрение со стороны китайского общества.

В силу этих причин, китайцы сами выбрали В. Путина как идеального государственного лидера, а китайские СМИ подхватили этот образ и способствовали его тиражированию в обществе. Китайские СМИ показали почти все положительные личные и профессиональные стороны российского президента, и, таким образом, создали образ президента России, который очень импонирует китайцам и соответствует их представлениям о том, каким должен быть настоящий государственный лидер.

Библиографический список

1. В. Путин - орел над Москвой//Синхуван-URL: <http://news.sohu.com/s2005/putin.shtml> (12.12. 2015).
2. Выстрел Путина в тигра показал характер русских // Чжансиньван - URL: <http://www.chinanews.com.cn/gj/oz/news/2008/10-05/1400828.shtml>.(12.12.2015)
3. Путин обладает многими талантами и умениями: играет на аккордеоне, занимается борьбой, пилотирует военный самолет // Синьвэньваньбао - URL: <http://www.southcn.com/news/international/specialreports/putin/idol/200312240829.htm>.(12.12.2015)
4. Лю Мянъцзинь. Китайско-российские отношения в эпоху Путина/Лю Мянъцзинь//Хэнань шэхуй кэсюэ ("Общественные науки Хэнани"). 2008. № 2.
5. Цзян Хуайюй, Жэнь Дашунь. Китайско-российские отношения со времени прихода Путина к власти /Цзян Хуайюй, Жэнь Дашунь.// Кэцзи синьси (сюэшунь бань) ("Научно-техническая информация" (научное издание)). 2006. № 2.
6. Цзинь Сианьжэнь, Хань Лихуа. Глубинные проблемы между КНР и РФ после вступления В. Путина второго раза на должность президента/Цзинь Сианьжэнь, Хань Лихуа// международная торговля.- 2004.- No.4
7. Чжу Гожун. Направление внешних и внутренних политик РФ после вступления В. Путина на должность президента/Чжу Гожун//Социальная наука - китайская политика и международная политика.- 2005.-No.5
8. Фань Лиюань. Исследование имиджа В. Путина между КНР и Западной в последние три года:автореф. дис. ... канд. соц. наук/Фань Лиюань-Лань Чжоу, 2015.

Роль и интересы Индонезии в АТЭС в контексте мировой торговли и привлечения инвестиций

Дебаты среди ученых и практиков международных отношений о том, что Индонезия хотела присоединиться к Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (АТЭС) до сих пор не закончены. Существуют оптимистичные и пессимистичные мнения. Это статье будут рассмотрены роль и интересы Индонезии в присоединении к АТЭС. Результаты этого исследования наметят преимущества и возможности Индонезии в АТЭС.

Ключевые слова: Индонезия, АТЭС, государственные интересы, сотрудничество

The debate among academics and practitioners of international relations as to why Indonesia refused to join the Asia Pacific Economic Cooperation (APEC) is still not over. There is a group of optimistic and pessimistic. This research will discuss about what is actually in the interests and role of Indonesia to join APEC, which will be of economic interest. The results of this study will outline the benefits and the opportunities and challenges of Indonesia as a member of APEC.

Keyword : Indonesian, APEC, National Interest, Cooperation

После окончания холодной войны, как ожидалось, мир станет более безопасным и спокойным. Но на самом деле, возникает много старых проблем, которые не решены полностью. Например, долговые проблемы стран третьего мира, проблемы разрыва между Севером и Югом. Таким образом, можно сказать, что экономическая ситуация на международной политике после окончания холодной войны характеризуется различными изменениями и динамическим развитием. Чтобы предвосхитить влияние изменений и развития ситуации международной политической экономики после холодной войны, некоторые международные субъекты пытались инициировать различные проблемы, которые имели целенаправленный характер. Одной из попыток борьбы с ними - создание международной организации, которая может быть использована в качестве платформы сотрудничества, особенно в экономической области между странами региона, таких как Азиатско-Тихоокеанский регион. В современную эпоху экономическая интеграция открывает возможности для сотрудничества между другими странами. Это время было отмечено распространение двусто-

ронных соглашений об интеграции, где в последние два десятилетия характеризуются бурным развитием и распространением экономической интеграции между странами и регионами мира, в частности путем создания Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Подобное сотрудничество обеспечит экономические выгоды для стран, являющихся членами этого сотрудничества. Основной принцип экономической интеграции - уменьшить или устранить все торговые барьеры между странами-членами в регионе для того, чтобы улучшить движения товаров и услуг через границы, что увеличит объемы торговли. Увеличение объема торговли стимулирует рост эффективности производства, расширение возможностей трудоустройства и снижение производства с тем, чтобы повысить конкурентоспособность продукции и, в конечном счете, повысить благосостояние людей. Экономическая интеграция также стимулирует инвестиционные потоки из одной страны в другую, а также приток инвестиций из стран, не входящих в сотрудничество. Это приводит к увеличению инвестиций и накоплений, стимулирует увеличение производства стран и регионов, а также расширения торговли между странами.

Члены АТЭС совместными усилиями внесли серьезный вклад в беспрецедентный рост и бурное экономическое развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), путем поощрения свободной и открытой торгово-инвестиционной деятельности и укрепления региональной экономической интеграции. На данном этапе экономики члены АТЭС более взаимосвязаны и интегрированы. Либерализация и облегчение условий для торговли и инвестиций продолжают оставаться основной движущей силой экономического роста в АТР.

В свою очередь, после создания АТЭС в 1989 году регион сам претерпел значительные изменения, а процесс экономической интеграции выявил новые непростые проблемы, одновременно предоставив огромные дополнительные возможности. В настоящее время существует 21 член АТЭС: Австралия, Бруней, Канада, Чили, Китай, Гонконг, Индонезия, Япония, Южная Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Филиппины, Перу, Папуа-Новая Гвинея, России, Сингапур, Тайвань, Таиланд, США и Вьетнам. Сотрудничество в АТЭС не является политическим сотрудничеством, отме-

чен член Гонконг-Китай и Китайский Тайбэй. Более активное использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и инноваций способствовали стремительному расширению торговли, повышению объемов и ускорению финансовых и информационных потоков, а также увеличению производства. Поэтому в настоящее время экономическая ситуация в одной стране может в большей степени влиять на экономическую ситуацию в другой стране, воздействуя на занятость, стабильность и рост в регионе и за его пределами.

АТЭС - это форум экономического сотрудничества. Ее членами являются страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Цель сотрудничества заключается в укреплении экономического роста региона. Членство АТЭС состоит из многих стран, включая Индонезию. Индонезия является одной из стран, которая активно участвует в формировании АТЭС. Индонезии необходимо быть подготовленной к свободной мировой торговле. История показывает, что роль Индонезии в торгово-инвестиционном сотрудничестве АТР (АТЭС) является очень важной. Индонезия сыграла важную роль в создании АТЭС, присутствующая на Конференции министров в Канберре в 1989 году. После встречи АТЭС на острове Блейк в Сиэтле (США) в 1993 году, Индонезия стала хозяйкой саммита АТЭС в 1994г. в Богоре. Наибольший вклад Индонезии в АТЭС является соглашение "Богорские цели" в 1994 году. Среди целей - либерализация торговли и иностранных инвестиций. Это обязательство ускорить ликвидацию тарифов и увеличение иностранных инвестиций. В 1994 году на встрече в Богоре лидеры АТЭС объявили о своей общей приверженности идее построения свободной и открытой торгово-инвестиционной системы к 2010 году развитыми и к 2020 году развивающимися экономиками-участницами. Эти ориентиры получили известность как «Богорские цели» и стали амбициозным свидетельством нашей общей уверенности в том, что обеспечение свободы и открытости торгово-инвестиционной деятельности является ключевым условием для реализации потенциала роста региона и улучшения экономических и социальных показателей всех экономик АТЭС.

После принятия Богорской декларации, деятельность АТЭС принесла положительные результаты для региона. Рост суммарного объема торговли всех членов АТЭС опережает остальные ре-

гионы мира. С 1994 по 2009 годы рост объема торговли товарами членов АТЭС с другими странами ежегодно составлял в среднем 7,1% и достиг в 2009 году 11,4 трлн.долл. Номинальная стоимость торговли услугами в регионе АТЭС увеличивалась ежегодно на 7% и составила в 2009 году 2,4 трлн.долл. Начиная с 1994 года приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в регион АТЭС увеличивался на 13,0% в год, а вывоз капитала – на 12,7%. Ставя перед собой «Богорские цели», члены АТЭС приняли решение пойти дальше обязательств в рамках Уругвайского раунда торговых переговоров ВТО, что отразило их общую убежденность в ключевой роли открытого регионализма в деле обеспечения долгосрочного роста. За период с 1994 года до 2010 года страны существенно снизили свои тарифы. Средний уровень применяемых тарифов сократился с 8,2% в 1996 году до 5,4% в 2008 году, что значительно ниже среднего общемирового показателя на 10,4%. В 2008 году 50% импорта осуществлялось беспошлинно. Многосторонняя торговая система по-прежнему остается ключевым приоритетом для экономик АТЭС, а завершение Дохийского раунда переговоров предоставит наилучшую возможность для всесторонней либерализации.

Сегодня, мир видит Индонезию как одну из стран, которые действуют против глобального кризиса. Позиция Индонезии в стратегическом поддержании региональной стабильности, а также региональной экономической движении. Экономический рост Индонезии в 2011 году является одним из самых высоких в АТР. В 2012 году эта тенденция еще представила Индонезию в качестве одного из центральных государственных в поддержании роста региона. Валовой внутренний продукт (ВВП) на основе паритета покупательной способности (ППС) более \$ 1 трлн. и растет состав среднего класса. Индонезия стала одним из мест для инвестиций в АТР. Другими словами, потенциал глобальных рынков и мировой экономической активности есть в этом регионе. Это огромная экономическая мощь. Не удивительно, что АТЭС играет важную роль на глобальной экономической арене. Даже если этот регион подвергался финансовой нестабильности в 1997-1998 годах, АТР остается регионом с самым быстрым ростом экономики в мире.

Много дебатов о преимуществах Индонезии присоединения к АТЭС. С одной стороны то, что АТЭС не приносит хорошего для

Индонезии, даже есть парадигмы, что Индонезия только становится добычей для стран АТЭС. Но другие считают, что Индонезия имеет много возможностей, используя АТЭС для продвижения экономики и благосостояния общества. На основе этого, мы постараемся проанализировать, что значит для Индонезии присоединение к АТЭС. Выделяют несколько преимуществ участия Индонезии в АТЭС по данным из *BAPPENAS RI*, а именно:

- АТЭС является гибким форумом для обсуждения международных экономических проблем;
- АТЭС является форумом для консолидации в эпоху открытой торговли и в соответствии с принципами многосторонней торговли;
- Повышение роли частного сектора Индонезии по либерализации торговли. Один из столпов АТЭС, а именно упрощение торговли и прямых инвестиций будет иметь положительное влияние на бизнес в Индонезии, а именно облегчить поток товаров и услуг из Индонезии в другие члены АТЭС. Некоторые инициативы АТЭС, которые обеспечивают преимущества для бизнес-сообщества в Индонезии, в частности путем осуществления АТЭС Business Travel Card (АБУЦ) и упрощение таможенных процедур.
- Укрепление *Human and Capacity Building* в Индонезии может использовать проекты АТЭС по наращиванию потенциала и развития людских ресурсов.
- Формирование АТЭС даёт льготы на увеличение потока товаров, услуг и экономического роста для членов АТЭС. Индонезия имеет потенциал, чтобы использовать потенциал рынка АТЭС увеличить экспорт и инвестиционные потоки, особенно для крупных торговых партнеров Индонезии главным образом из региона АТЭС.
- АТЭС в качестве форума для обмена опытом. Форум АТЭС, который, как правило, в форме "политического диалога" имеет огромное преимущество. Можно извлекать уроки и позитивный и негативный опыт (*best practices*) других членов АТЭС в принятии решений либерализации торговли и инвестиций.
- АТЭС является форумом, который позволяет Индонезию проецировать свои интересы и закрепить свои позиции в управлении международных экономических отношений.

Многостороннее сотрудничество предоставит возможность для развивающихся стран, чтобы ускорить их среды разработки, через увеличение потоков финансовых ресурсов и технологий из развитых стран, а также за счет использования различных других экономических ресурсов, которые существуют в этом регионе. АТЭС в качестве средства для регионального экономического сотрудничества, через свои различные программы, приложили усилия и прорывов по достижению экономического процветания для своих членов. В настоящее время разрабатываются также усилия по созданию человеческих ресурсов, квалифицированных в освоении технологии и управления. Это очень выгодно для развивающихся стран, как Индонезия. Можно предположить, что:

Членство в АТЭС будет полезным для развивающихся стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Индонезию, потому что это поможет сделать улучшения в структуре экономики, повышение индустриализации и содействию передаче технологий, необходимых в эпоху глобализации. Это позволит снизить факторы, ингибирующие развитие их экономики. Членство в АТЭС также полезно для развивающейся экономикой, чтобы поддержать их экспортные рынки товаров, а также получить иностранных инвестиций, необходимых для развития своей отрасли.

Рис. 1 Экспорт Индонезии, 1992-2012

Источник: *Trading economic*

Мы также используем данные экспорта из статистики Индонезии, показывающие, что после вступления в АТЭС экспорт Индонезии значительно вырос. На основании данных, полученных из презентации Арто Сурёдипутро, как директора сотрудничества Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки, общий объем торговли между Индонезией и странами-членами АТЭС в 1988 году (до того как АТЭС была сформирована) только 29,9 млрд долл США, в то время как в 2011 году объемы выросли почти в десять раз, достигли 289,3 млрд. долл., который заполняет 75% от общего объема торговли Индонезии. С 1993 года АТЭС оказывает поддержку финансирование 1600 проектов технической подготовки в области обмена лучшими результатами, которые направлены на увеличение пропускной способности экономики и благосостояния населения с общим объемом более 23 млн. долларов США. Эти проекты были очень полезны для развивающихся стран и членов АТЭС, как Индонезия. Кроме этого, АТЭС может стать средством меры укрепления доверия в области экономики, что привело к экономическому росту, который будет автоматически повышать конкурентоспособность.

Хотя в этом документе не предоставляют реальные данные инвестиций Индонезии со странами-членами АТЭС, но общее иностранные инвестиции Индонезии в настоящее время быстро увеличивались. Например, прямые инвестиции в 2012 году достигли 51,5 трлн., что больше чем в Германии, Таиланде, Японии и Малайзии. Год за годом, тенденция инвестирования стран АТЭС также показали положительный рост. Реализация инвестиций в

регионе АТЭС в 2010 году достигла 9,2 млрд. долл. и увеличивалась каждый год: до 10,5 млрд. долл. в 2011 году, до 12,8 млрд. долл. в 2012 году, до 16,1 млрд. долл. в 2013 году, до 15,1 млрд. долл. в 2014 году. В 2015 году до сентября показатель достиг 11,9 млрд. долл. Это также может быть одним из вспомогательных показателей.

Саммит АТЭС в Пекине, с темой "*Shaping the Future thorough Asia Pacific Partnership*", расставил три основных приоритета:

- а) продвижение региональной экономической интеграции;
- б) содействие инновационному развитию, экономическую реформу и рост;

- в) укрепление всестороннего развития связности и инфраструктуры. Через форум АТЭС *CEO Summit*, ДКС АТЭС Президент Индонезии объявил программу работы правительства на ближайшие пять лет, особенно в области развития инфраструктуры, связи и отечественной промышленности. Также пригласил предпринимателей к участию в развитии инфраструктуры в Индонезии.

Кроме того, Азиатско-Тихоокеанский регион является самым быстрорастущим экономика региона в мире. Так присоединения Индонезии к АТЭС было необходимо для ускорения экономического роста в Индонезии. Это согласуется с концепцией взаимозависимости, которая объясняет, что любая страна не может удовлетворить все свои собственные потребности и потребности других стран, поэтому необходимо сотрудничество между странами. По теории неолиберального институционализма международные институты будут поощрять взаимовыгодное сотрудничество между странами, в этом отношении Индонезии со странами-членами АТЭС.

Так Индонезия имеет экономические интересы в присоединении к АТЭС для содействия национальному экономическому росту. Тогда в основном даже без АТЭС, каждая страна неизбежно будет сталкиваться на свободном рынке.

Библиографический список

1. [Официальный сайт] Министерство иностранных дел Индонезии// <http://www.kemlu.go.id/id/kebijakan/kerjasama-regional/Pages/APEC.aspx>
2. [Официальный сайт] Министерство планирования национального развития Республики Индонезия (BAPPENAS RI)
3. Ariyanti, Fiki.Indonesia cetak rekor liran investasi tertinggi di Asia Tenggara. 21 Apr 2013 URL: <http://bisnis.liputan6.com/read/567102/ri-cetak-rekor-aliran-investasi-asing-tertinggi-di-asia> tenggara(дата обращения:22.12.2015)
4. Asia Pacific Economic Cooperation, 1999, Asia Pacific Economic Cooperation 1999. Singapore: APEC Secretariat. c 1
5. Ilyas Istianur, Praditya. Inverstasi di Negara Apes mencapai 76 miliar US.2015. –URL:<http://bisnis.liputan6.com/read/2367873/investasi-negara-apes-di-indonesia-capai-us-76-miliar>(дата обращения:13.11.2015)
6. Prof.Firmanzah,PhD.APEC dan peran Indonesia.- 2012URL:<http://ekbis.sindonews.com/read/671377/33/apes-dan-peran-indonesia-1347247826>(дата обращения:26.12.2015)
7. Rusydi,Imran.Masalah ekonomi dunia , Surakarta: Muhamadiyah, 2002 c. 325

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

М.В. Курчанов

Социо-культурный поворот в американской историографии во второй половине 1960-х годов

В статье рассматривается развитие индонезийских штудий в американской историографии во второй половине 1960-х годов. Автор анализирует первый в США специализированный журнал «Indonesia», сфокусированный на изучение индонезийской истории, политики и экономики. Автор статьи приходит к выводу, что развитие индонезийских штудий имело междисциплинарный характер.
Ключевые слова: востоковедение, Индонезия, индонезийские исследования, историография, научные сообщества

The article examines the development of Indonesian Studies in American historiography of the second half of the 1960s. The author analyzes the first specialized American journal «Indonesia» that was focused on studies of Indonesian history, politics and economics. The author concludes that development of Indonesian Studies has interdisciplinary character.

Keywords: Oriental studies, Indonesia, Indonesian studies, historiography, academic community

Современное гуманитарное знание в своем функционировании подвержено структурированию и выделению отдельных исследовательских полей и областей по географическому принципу. В XIX веке, по мере развития науки, накопления знаний, в рамках некогда условно единого востоковедения как актуализации идеи статичности Востока и превосходства Запада начали складываться и возникать специализированные направления, сфокусированные на изучении отдельных неевропейских стран, языков, культур и религий. Одним из таких направлений стало индонезиеведение, которое в рамках колониальной модели знания, возникает в XIX столетии в Нидерландах, что было связано с необходимостью вообразить и локализовать владения Голландии в Юго-Восточной Азии в контексте развивавшейся голландской идентичности.

Крупнейшим центром в сфере изучения индонезийской проблематики в современных США следует признать Корнэллский Университет (Cornell University), в рамках Центра международных

исследований (Center for International Studies) которого не только реализуется Программа изучения Юго-Восточной Азии (Southeast Asia Program), но и издается единственный в мире специализированный журнал «Indonesia», посвященный изучению вопросов индонезийской истории, политики, культуры, экономики, языковой ситуации. В настоящей работе наше внимание будет сосредоточено на истории и развитии индонезийских исследований в США, на трансформации научного сообщества в контексте того, как менялся и развивался научно-исследовательский канон индонезийских штудий на фоне истории журнала «Indonesia».

Культурно-антропологические штудии. В американском индонезиеведении второй половины 1960-х годов выделялись исследования Хилдрэд Гиртц [6], посвященные феномену «лата» (latah) на Яве. Лата – особое психическое состояние, в которое человек может впасть после пережитого им шока. Анализируя феномен «лата», Х. Гиртц подчеркивала, что ему посвящена значительная литература, но при этом фактически отсутствуют исследования, которые учитывали этническую, религиозную и культурную специфику этого состояния. Стремясь ликвидировать этот пробел, во второй половине 1960-х годов Х. Гиртц предприняла попытку описать особенности этого явления на Яве. Анализируя особенности «лата» на Яве, американская исследовательница пришла к ряду заключений, а именно: в большинстве случаев это расстройство фиксируется у женщин, состояние протекает различно (часто с употреблением ненормативной лексики и непристойных жестов), местные сообщества не воспринимают это состояние как болезненное и неестественное, большинство лиц, перенесших «лата», относились к социальным низам индонезийского общества. В целом, Хилдрэд Гиртц во второй половине 1960-х годов указывала на зачаточное состояние изучения подобной проблематики в американских индонезийских штудиях. Тем не менее, ее статья, опубликованная в 1968 году, стала одним из первых шагов в развитии того раздела культурной антропологии, который не только был специально сфокусирован на Юго-Восточной Азии (в частности, на Индонезии), но и получил значительное развитие в американских гуманитарных исследованиях в последующие годы.

Тематически к исследованиям Х. Гиртц оказались близки работы и другого автора «Indonesia» конца 1960-х годов – Истутиаха Гунавана Митчелла (Istutiah Gunawan Mitchell), который исследовал социо-культурный фон психических заболеваний в Индонезии [7]. По мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, основанном на данных индонезийской статистики, в Джакарте на протяжении 1960-х годов ежегодно пациентами специализированных заведений в среднем становилось более 10 % представителей этнической группы минангкабау. При этом во всем населении индонезийской столицы минангкабау составляли не более 2 %. В целом, признавая, что психические заболевания являются «личной проблемой» (individual problem) пациента, Истутиах Гунаван Митчелл указывал и на то, что «психически больной человек является следствием развития того общества, к которому он принадлежит». С другой стороны, указывая на то, что психические болезни встречаются во всех обществах, возникая под воздействием «социально-структурных факторов», он все-таки ставил вопрос о причинах столь значительной заболеваемости среди минангкабау.

Анализируя феномен столь значительной подверженности психическими заболеваниями у минангкабау, по сравнению с другими этническими группами Индонезии, Истутиах Гунаван Митчелл полагал, что сообщество минангкабау во второй половине 1960-х годов оказалось в значительной степени фрагментированным и разрозненным, что стало следствием ускоренной модернизации и форсированного знакомства с ранее практически неизвестными европейскими культурными ценностями и социально-экономическими отношениями. Модернизация Индонезии после получения независимости стимулировала внутреннюю миграцию, заставив минангкабау уезжать в другие регионы, что содействовало, по мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, разрыву сложившихся ранней социальных связей и размыванию преимущественно традиционной культуры этого сообщества. Истутиах Гунаван Митчелл полагал, что причины и истоки столь значительной заболеваемости следует искать в специфике традиционного общества минангкабау.

По мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, основу местных сообществ минангкабау составляли относительно небольшие населенные пункты (negari), состоящие из rumah gedang (больших

семейных домов), жизнь в которых была подчинена адату (adat), т.е. обычному праву и традициям, возникших в рамках kaum и suku – различных вариантах матрилинейного родства и наследования. При этом формально минангкабау относились к мусульманской умме. В подобной традиционной системе связей набор ролей и статусов мужчины был в значительной степени ограничен в условиях неразвитости «прочных семейных связей». Важную роль в социализации мальчиков в сообществе минангкабау играл sugau – специальный дом, расположенный рядом с мечетью, где они жили начиная с семи лет, изучали Коран и основы ислама, и контактировали с молодыми людьми из других регионов, что в определенной степени выводило их за пределы того сообщества, к которому они формально принадлежали. Разрыву традиционных связей в среде минангкабау содействовал и колониальный период, отмеченный определенной активизацией миграции, в том числе – и в направлении Джакарты. Именно в Джакарте, по мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, имели место конфликты между традиционной системой ценностей, в которых социализировались минангкабау, и западными социально-экономическими отношениями.

Иллюстрируя сложности разрушения традиционного сознания минангкабау, Истутиах Гунаван Митчелл описывал три случая неудачной адаптации к городской среде. Первый случай, описанный Истутиахом Гунаваном Митчеллом, относился к девушке 20 лет, выросшей в традиционной семье и получившей религиозное образование и пребывавшей под давлением старших родственников, которые ограничивали ее общения с мужчинами, в том числе – с родными братьями, что, вероятно, спровоцировало психическое заболевание. Вторым случаем, который в конце 1960-х годов анализировал Истутиах Гунаван Митчелл, был представлен девушкой 17 лет, которой был поставлен диагноз неврастения: выросшая в религиозной семье (отец совершил хадж, несколько родственников получили религиозное образование), она пребывала под постоянным контролем старших родственников, которые ограничивали круг ее общения. Третьим случаем, описанным Истутиахом Гунаваном Митчеллом, был мужчина 30 лет, который работал клерком на государственном предприятии в Паканбару. В отличие от двух других описанных случаев пациент С. не был воспитан в преимущественно религиозной атмосфере – практически все его

родственники занимались бизнесом, получив экономическое образование, а сам он неоднократно публиковал художественные тексты. Стимулом для заболевания, по мнению Истутиаха Гунавана Митчелла, стало то, что пациент С. стал свидетелем подавления массовых протестов 1958 года, в ходе которых были убиты практически все, кто составлял круг его общения. Кроме этого в середине 1960-х годов пациент С. подвергался преследованиям по политическим мотивам, связанными с его журналистской деятельностью. Дополнительным фактором, как полагал Истутиах Гунаван Митчелл, стали межэтнические противоречия, так как руководящие посты не занимали представители минангкабау. Анализируя эти три описанные им случая Истутиах Гунаван Митчелл полагал, что первые два представляют собой конфликт между различными традиционными и современными ценностями, а третий порожден ускоренной и форсированной модернизацией индонезийского общества.

Специфика социальных отношений минангкабау была и в центре внимания Нэнси Тэннер, которая анализировала проблемы расселения представителей этого сообщества на территории Индонезии [15]. Рассматривая вопросы расселения, Н. Тэннер исходила из полевых экспедиций 1963 – 1966 годов и данных индонезийской статистики 1960-х годов, согласно которой минангкабау были наиболее урбанизированной группой с незначительным процентом бедных, а большинство представителей сообщества относилось к среднему классу, будучи экономически активной частью населения, вовлеченной в торговлю. Системообразующей особенностью сообществ минангкабау, как полагала Н. Тэннер, была склонность к *marantau* – экономически стимулируемой миграции. Несмотря на значительную урбанизацию минангкабау, Н. Тэннер анализировала ту его часть, которая занимала аграрные регионы. Несмотря на сохранение элементов традиционного общества (матрилинейный род и т.д.), Н. Тэннер полагала, что в 1960-е годы минангкабау столкнулись с вызовами современности, что привело к фрагментации общества и актуализации в его рамках социальных и экономических конфликтов. Разрешение и урегулирование подобных конфликтов, как полагала Н. Тэннер, в значительной степени усложнялось одновременным сосуществованием и действием на территории, населенной минангкабау, нескольких юриди-

ческих норм (традиционных, мусульманских и индонезийских, которые нередко, в силу постколониального характера страны, были заимствованы из европейского политического опыта), что существенно отражалось на процессах модернизации, замедляя их темпы.

Изучение региональной проблематики. Анализируя специфику развития Индонезии, американские исследователи во второй половине 1960-х годов особое внимание уделяли комплексу социо-культурных факторов. По мнению Фрэнка Кули [5], изучение индонезийской культурной ситуации осложнялось исходными позициями исследователей, которые могли воспринимать исходный культурный материал с точки зрения традиционного христианского миссионера или представителя и носителя западной культуры, несущего более прогрессивное, современное знание, содействующее прогрессу и модернизации. Фр. Кули подчеркивал, что в ряде индонезийских регионов религиозная гетерогенность сочеталась с культурной гомогенностью: например, на Молуккских островах на одной гетерогенной территории могли сосуществовать гомогенные поселения мусульман, христиан или приверженцев местных верований. Это, в свою очередь, привело как к росту конфликтности между светскими и религиозными авторитетами, а также к адатизации религиозного пространства (как мусульманской уммы, так и христианских общин), интегрированного в контекст дохристианских и домусульманских традиций.

Во второй половине американские авторы, которые занимались индонезийскими штудиями, активно анализировали региональные измерения социально-экономических процессов в Индонезии. Например, в центре внимания Р.В. Лиддла оказались проблемы форм и проявлений культурной, этнической и социальной саморепрезентации различных групп населения в Северной Суматре. Особое внимание он уделил сообществам Суку Сималунгун. основой для научных выводов американского автора стали полевые исследования, проведенные им в Индонезии в 1963 – 1964 годах. Суммируя результаты своих исследований, Р.В. Лиддл [9] полагал, что Сималунгун (или Сиантар) относился к числу не только полиэтнических регионов, но и к территориям, которые сочетали различные уровни развития. По мнению Р.В. Лиддла, традиционные формы политической организации пространства,

keradjaan (королевства), с одной стороны, к началу 1960-х годов являлись чрезвычайно архаичными. С другой, он полагал, что колониальная политика Нидерландов существенно изменила этническую структуру региона, стимулируя миграцию, что привело к размыванию преимущественно батакского характера региона, на территории которого все большую роль начинали играть яванцы. Поэтому, к моменту проведения полевых исследований Р.В. Лиддла, большинство «социальных расхождений» в Сimalунгуне имели этнические основания.

По данным начала 1960-х годов, которыми руководствовался Р.В. Лиддл, сimalунгунские батаки (Simalungun Batak) составляли 30 % населения региона, северные тапанулийские батаки (North Tapanuli Batak) – 20 %, яванцы – 20 %, южные тапанулийские батаки (South Tapanuli Batak) – 15 %. Первые две группы в колониальный период в значительной степени были подвергнуты христианизации. Другие группы были представлены носителями христианства, ислама и традиционных верований. По мнению Р.В. Лиддла, Сimalунгун представлял регион, где относительно четко прослеживался феномен абангана (abangan) – синтетического ислама со значительным немусульманским бэкграундом, представленным «более синкретическим, анимистическим и находящимся под влиянием индуизма исламом». Другим последствием колониализма, по мнению Р.В. Лиддла, стало сочетание политического и религиозного лидерства, что привело к началу 1930-х годов к потере контроля над политической сферой со стороны традиционных элит, которые не были в состоянии конкурировать с индонезийскими националистами. Переломным моментом стал период японской оккупации, во время которого «традиционные и религиозные элиты» оказались не в состоянии противостоять «новому революционному лидерству», представленному, например, организацией Barisan Harimau Liar (Легион Дикого Тигра).

Анализируя феномен существования различных форм традиционного общества, Р.В. Лиддл указывал на то, что оно оказалось чрезвычайно устойчивым и адаптивным к внешним вызовам: именно поэтому проявления традиционализма трансформировались в регионализм, представленный рядом организаций (Kebangunan Rakjat Simalungun Sumatera Timur – Пробуждение сimalунгунского народа на Восточной Суматре; Badan Penuntut

Otonomi Sumatera Timur – Движение за автономию Восточной Суматры), которые к середине 1960-х годов прекратили активную деятельность, что привело к установлению, по выражению Р.В. Лиддла, «организационного вакуума», кризису общеиндонезийской модели, основанной на попытке выстраивания отношений региональных сообществ с национальными партиями и фактической актуализации неформальных личных связей в местном сообществе, что стало следствием склонности батаков действовать в системе, основанной на их «этнической исключительности». При этом, уже в 1967 году Р.В. Лиддл полагал, что военный режим будет не в состоянии разрешить региональные проблемы, что актуализирует их в дальнейшем.

В рамках региональных исследований, посвященных Индонезии, особое внимание было сосредоточено на вопросах социальной истории индонезийской периферии – внутренней и внешней. В частности, в центре работ Фрэнка Л. Кули были проблемы социально-политической организации аграрных регионов Центральных Молуккских островов [4]. Анализируя социальные структуры аграрной периферии, Л. Кули указывал на традиционную для Индонезии роль *pegeri* – отдельного населенного пункта, *saniri* – управляемого им совета и *badan* – социальной организации того или иного сообщества в целом. Л. Кули полагал, что аграрные регионы Молуккских островов сохраняли в целом традиционную структуру, центральными фигурами в которой являлись *radja* (местный правитель) и *kerala soa* (лидер рода). Кроме этого в социальной структуре традиционного общества, как считал Л. Кули, было велико значение *tuan tanah* (земельные собственники), *malessi* или *kapitan* (военные лидеры) и *mauweng* (религиозные служители). Л. Кули, с одной стороны, полагал, что голландцы к моменту начала колонизации застали именно такую социальную организацию, с которой они позднее были вынуждены взаимодействовать, адаптируя ее под свои интересы и потребности, постепенно ослабляя почти абсолютную власть региональных лидеров, интегрируя их в колониальную систему управления. С другой, он подчеркивал и то, что определенные элементы этой фактически традиционной системы управления сохранились и после падения колониального режима. Поэтому, как подчеркивал Л. Кули, их можно было фикси-

ровать в 1960-е годы с той лишь разницей, что они были интегрированы в систему управления независимой Индонезии.

Особое внимание американские исследователи во второй половине 1960-х годов уделяли тем регионам, которые были для Индонезии источниками различных социально-экономических проблем и конфликтов. В частности Джон Смэйл [13] анализировал истоки, особенности и характер конфликта в провинции Северная Суматра во второй половине 1950-х годов. Анализируя специфику региона, Дж. Смэйл указывал на неоднородность в его социальном и экономическом развитии, этническую и религиозную гетерогенность. По мнению американского автора, одной из системных особенностей региона, которая определяла его развитие в 1950 – 1960-е годы было то, что он являлся одним из наиболее христианизированных в колониальный период: поэтому, регион был центром деятельности Parkindo (Partai Keristen Indonesia) – главной на тот момент политической организации индонезийских христиан-протестантов. Другой особенностью региона стала его стагнирующая экономика, застойный характер которой стал следствием сокращения роли и значения плантационного хозяйства. Именно отталкиваясь от подобных особенностей региона, а также крайней несбалансированности этнических, религиозных и экономических интересов Дж. Смэйл был склонен искать истоки политических и военных протестов в Северной Суматре, полагая, что чисто военные методы решения региональных проблем и противоречий могут дать только временный эффект.

Наряду с другими регионами во второй половине 1960-х годов в рамках американских индонезийских штудий активно изучалась и Джакарта. По мнению Лэнса Кастла [3], Джакарта (колониальная Батавия) представляла собой мозаику, которая воспроизводила те противоречивые отношения как между отдельными регионами, так и этническими группами, существовавшие в Индонезии в целом. С другой стороны, американский исследователь предостерегал от ярких сравнений Джакарты с другими крупнейшими городами второй половины 1960-х годов, полагая, что Джакарта активно индонезируется, так как «из сунданца, яванца, китайца или батака Господь сотворяет там индонезийца». Американские авторы полагали, что политические события 1965 – 1966 годов актуализировали политическую роль Джакарты, внеся вместе с тем и новые тен-

денции в развитие противостояния столицы и Внешних Островов. Вместе с тем, они актуализировали проблемы, связанные, например, с китайским населением и выходцами их других регионов Индонезии, которые во второй половине 1960-х годов были вынуждены активно интегрироваться в урбанистическое общество столицы, то есть отказываться от своих региональных идентичностей в пользу новой, «большой», индонезийской идентичности.

Изучение индонезийского национализма. Практически с самого начала своего существования журнал «Indonesia» уделял особое внимание проблемам национализма в новейшей истории Индонезии и его связям с другими политическими движениями. Примечательно, что редакторы не ограничивались исключительно изданием научных статей, посвященных индонезийскому национализму, но и содействовали переводу на английский язык и публикации текстов, авторами которых были индонезийские националисты. Анализируя феномен индонезийского национализма, американские историки полагали, что на протяжении определенного времени левые тренды в политической жизни Индонезии как голландской колонии, не имели самостоятельного значения, развиваясь в рамках большого националистического дискурса. По мнению американского историка Р.Т. МакВэя [10], деятель коммунистического движения Семаун [12] в начале 1920-х годов в большей степени был близок к националистам, а сама интерпретация индонезийской истории данного периода не ограничивалась им определенными методологическими и теоретическими рамками. В частности, Р.Т. МакВэй цитировал не только англоязычные исследования, но и работы деятелей индонезийского коммунистического движения, опубликованные на русском языке. Подобный подход, вероятно, свидетельствует о том, что в середине 1960-х годов американские исследователи Индонезии ставили перед собой задачу не только создания уникальной школы индонезийских штудий, но школы интегрированной в международный индонезиеведческий канон, важным составным элементом которого тогда было советского индонезиеведение.

Анализируя феномен индонезийского национализма, американские авторы во второй половине 1960-х годов особое внимание уделяли тому, как национализм повлиял на различные социальные группы гетерогенного индонезийского общества в начале XX

века. Одной из таких групп были bupati – представители местной аристократии – которые оказались в центре одного из исследований Р. МакВэя [11]. Американские авторы полагали, что именно эта социальная категория, точнее ее наиболее прогрессивная часть, сыграла одну из ведущих ролей в приобщении индонезийского общества к ценностям и принципам западной культуры и образования. Особую роль в этом сыграл Ки Хаджар Девантара (работы которого, посвященные национальному образованию, были переведены редакторами «Indonesia» и опубликованы в 1967 году [8]) и созданная им студенческая организация «Taman Siswa», которая, по мнению Р. МакВэя, придерживалась модернизационной стратегии, признавая важность аграрных регионов в деле сохранения индонезийской идентичности, воспринимая их как «резервуары индонезийской культуры», но одновременно настаивая на трансформации периферии и именно в этом видя «основную цель» национализма. При этом приобщение bupati к западным ценностям, по мнению американских историков, содействовало и фрагментации индонезийского общества, в том числе – и национального движения. В подобной ситуации стало совершенно нормальным для Индонезии начала XX века, как полагали американские историки, то, что «культурный партикуляризм и социальный эгалитаризм шли рука об руку с национализмом».

Помимо националистических организаций во второй половине 1960-х годов американские исследователи изучали роль различных периодических изданий в развитии индонезийского национализма. Одним из таких знаковых для истории национализма изданий стал журнал «Pudjangga Baru», который издавался с 1933 по 1942 год. По мнению Хизер Сазэрлэнд [14], «Pudjangga Baru» стал важным культурным явлением в контексте модернизации в Индонезии, так как не только содействовал определенной вестернизации индонезийского культурного пространства, но и сыграл особую роль в оформлении языкового канона индонезийского языка. Анализируя деятельность «Pudjangga Baru», Х. Сазэрлэнд полагает, что большинство его авторов были не только индонезийскими националистами, но принадлежали к наиболее европеизированному течению в национализме. Поэтому в центре критики индонезийских националистов могла пребывать не западная культурная модель в целом, а только некоторые проявления западного

политического опыта в колониях. В целом, как полагала Х. Сазэрлэнд, культурное течение в индонезийском национализме, представленное «Pudjangga Baru», стремилось синтезировать западный политический опыт и местные индонезийские традиции.

Тематически к исследованиям о национализме, опубликованных в первые годы существования журнала, были близки и статьи, сфокусированные на проблемах развития идентичности, в том числе – и ее смешанных форм. В частности, Пауль В. фон дер Вейр стал автором одной из первых англоязычных работ о сообществе т.е. «евро-азиатов» – потомков от связей европейцев и местных женщин [16]. Особое внимание Пауль В. фон дер Вейр уделял разнообразию «этнических бэк-граундов» представителей подобного сообщества. Признавая определенный процент китайских и негритянских корней, исследователь все же настаивал на том, что большинство «евро-азиатов» в колонии были потомками связей голландских колониальных чиновников или голландцев вообще, с одной стороны, и яванских женщин, с другой. По мнению Пауля В. фон дер Вейра, большинство «евро-азиатов» на территории будущей Индонезии родилось во второй половине 1920-х годов, так как в 1925 году было зафиксировано наибольшее количество смешанных браков, что составляло 27.5 %.

Пауль В. фон дер Вейр полагал, что идентичность потомков таких связей могла быть различной: в случае получения европейского образования их социальный и экономический статус был близок тому статусу, который занимали голландцы, хотя американские авторы во второй половине 1960-х годов все же были вынуждены признавать наличие дискриминационных отношений в голландских колониях и определять социальный и культурный статусы «евро-азиатов» как «специфические». Тем не менее, подобные жители колонии могли относить себя как к голландцам, так и к индонезийцам. Нередко такая идентичность, как полагал Пауль В. фон дер Вейр, могла иметь ситуативный характер, хотя подавляющее большинство «евро-азиатов» формально относились к христианскому сообществу. С другой стороны, американские авторы были вынуждены признать в определенной степени маргинальный статус «евро-азиатов» в колониальный период, так как голландское присутствие не было в Индонезии подвергнуто полной гибридизации с местными и региональными культурными и

языковыми традициями. В такой ситуации, по мнению американских авторов, миксация носила крайне ограниченный характер, а в независимой Индонезии потомки «евро-азиатов» были обречены на эмиграцию в Европу или на ассимиляцию в рамках индонезийской нации.

В конце 1960-х годов на страницах «Indonesia» были опубликованы и первые американские исследования, посвященные проблемам развития индонезийской идентичности в художественной прозе в контексте постколониального статуса этой страны. Одним из американских авторов, которые занимались этой, тогда новой и актуальной, проблематикой был Хэрри Эйвлинг, исследовавший особенности восприятия гендера в индонезийской прозе [2]. По мнению Х. Эйвлинга, несмотря на динамичное развитие индонезийской литературы, индонезийские авторы, в особенности молодые и европейски образованные интеллектуалы, принадлежавшие к среднему классу, столкнулись с проблемой описания гетеросексуальных отношений. Поэтому, Х. Эйвлинг был вынужден констатировать то, что индонезийские прозаики конца 1960-х годов оказались неспособны писать о любви, «используя западные концепты», а сам концепт «cinta» («любовь») соотносился с понятием «berdosa» («грех»). Американские авторы полагали, что для индонезийских прозаиков удобнее и комфортнее писать о социальных и экономических измерениях гетеросексуальных отношений, чем о собственно подобных отношениях. При этом отмечалось и то, что для индонезийской прозы конца 1960-х годов были характерны гендерные стереотипы: если героям-мужчинам приписывали разного рода социальные, экономические и политические добродетели, то героини-девушки, как правило, были патриархальны и глупы. Доминирование подобных настроений Х. Эйвлинг связывал со значительной ролью традиционализма, патернализма и неспособностью индонезийских прозаиков выйти за ими же самими установленные рамки.

«Indonesia» и начало научной деятельности Б. Андерсона. Во второй половине 1960-х годов журнал «Indonesia» оказался в состоянии привлечь молодых и перспективных американских исследователей Юго-Восточной Азией, став той площадкой, где они могли открыто и свободно высказывать свои новаторские и оригинальные идеи в отношении политических и социальных процессов

в Индонезии, новейшей индонезийской истории. Среди таких молодых американских интеллектуалов был Бен Андерсон. Например, уже в первом номере была опубликована его статья, посвященная проблемам политического языка в Индонезии [1].

Анализируя особенности и направления развития индонезийского языка, будущий автор «Воображаемых сообществ», полагал, что язык стал отражением того «гигантского культурного кризиса», который переживала Индонезия на протяжении 1960-х годов. С другой стороны, он констатировал, что индонезийский язык начал занимать ведущие позиции в общественно-политической и экономической жизни и именно с его помощью жители нового государства описывают политические, социальные и экономические реалии. Истоки уникальной ситуации, которая содействовала прогрессу и усилению индонезийского языка в независимой Индонезии Б. Андерсон был склонен искать к колониальной истории, когда будущая Индонезия, по его словам, существовала как «бюрократическая страна чудес, в которой существовали фактически обособленные лингвистические и культурные вселенные, чудом соединенные только современной бюрократией – любой язык, будь то батакский, сунданский, яванский или нидерландский были продуктами отдельных исторических опытов, письменной и культурной специализации».

С другой стороны, культурное и языковое пространство Индонезии накануне обретения независимости, по мнению Б. Андерсона, развивалось в условиях «дисконтинуитета» между «лингвистическо-культурными вселенными», в приобщение к голландскому языку как языку колонизаторов не имело принципиального значения в контексте модернизации, «открывая путь только к критическому восприятию колониального общества в целом». Голландский язык в Индонезии, по мнению Б. Андерсона, не обрел столь значимой роли как французский или английский в Африке, сыграв только роль языкового моста в деле приобщения к западным политическим идеологиям. Подобная судьба голландского языка стала и следствием колониальных властей, которые решили не развивать обучение в колонии на нидерландском, чтобы он не стал таким же политическим языком артикуляции национализма как английский язык в Индии. Рассматривая феномен «bahasa Indonesia» в постколониальном обществе, Б. Андерсон предполагал,

что в его рамках возник особый «политический индонезийский язык», который стал наследником и продолжателем «трех отдельных языков (голландского, яванского и «революционного малайского») и двух отдельных лингвистическо-культурных традиций» – голландской как западной и яванской как незападной. Японская оккупация актуализировала роль индонезийского языка, сделав его, по образному выражению Б. Андерсона, «языком сопротивления и языком надежды».

Поэтому, Б. Андерсон подчеркивал, что к середине 1960-х годов индонезийский язык превратился в удачный проект, используя который стало возможно «не только выражать индонезийский национализм, но и индонезийские устремления, индонезийские традиции, а также международные реалии при наличии естественных ограничений словарного запаса». Почти за двадцать лет до издания «Воображаемых сообществ» Б. Андерсон настаивал на том, что «не межрегиональная гомогенизация», но создание «духовного единства между ментальными вселенными» играет ведущую роль в становлении современных наций. По мнению Б. Андерсона, это единство в Индонезии возникло как следствие языкового творчества националистических элит, которые предложили своеобразный словарь-минимум из политически окрашенных слов и терминов – «Rakjat (народ / нация), Merdeka (свобода), perdjjuangan (борьба), gerakan (движение), kebangsaan (национальность), kedaulatan (независимость), semangat (дух), и конечно же – Revolusi» – формировавших «культурную идентичность». Комментируя политическую компоненту в «bahasa Indonesia», Б. Андерсон подчеркивал, что «все эмоционально значимые слова в индонезийском языке связаны с борьбой и насилием физической революции и имеют политико-героические коннотации».

Становление канона: итоги развития американского индонезиеведения во второй половине 1960-х годов. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием индонезийских штудий в контексте ранней истории журнала «Indonesia» во второй половине 1960-х годов. Возникнув в середине 1960-х годов, журнал «Indonesia» прошел уникальный путь развития, на его страницах были опубликованы статьи, которые стали программными, знаковыми и этапными в развитии изучения Индонезии. Инициаторы издания журнала, созданного вско-

ре после военного переворота и установления авторитарного режима Сухарто, четко уловили то, что Индонезия в перспективе может стать одним из крупнейших региональных политических и экономических акторов. Кроме этого сам факт военного переворота, устранение от власти Сукарно, политические репрессии в стране, направленные против местных коммунистов пребывали среди факторов, которые стимулировали обращение молодых американских интеллектуалов к изучению Индонезии. Примечательно, что рассматривая идейную и содержательную эволюцию, трансформацию журнала, во внимание следует принимать то, что к моменту его издания США не имели своего колониального прошлого в Индонезии, которое совершенно не нависало и не тяготело над молодыми американскими интеллектуалами, приступившими в 1966 году к началу издания первого специализированного журнала, посвященного Индонезии.

Ставив преимущественно научные и исследовательские задачи, сознательно и намеренно позиционируя себя вне политики, предоставляя страницы для публикаций авторов различных политических и идеологических предпочтений, редакторы и издатели «Indonesia» фактически оказались в состоянии реализовать междисциплинарный проект, который позднее заложил основы для более широкой программы изучения Юго-Восточной Азии, реализуемой усилиями ученых и исследователей Корнэлльского Университета. Анализируя уникальный исследовательский профиль, который сложился в результате развития журнала «Indonesia», во внимание следует принимать то, что его издатели и авторы стремились не привязывать свое издание к одной конкретной методологической программе.

Поэтому среди статей, которые были изданы в журнале на протяжении первых лет его существования, были тексты условно относимые к канону, например, культурной антропологии или к теории модернизации. Кроме этого, значительная часть статей, опубликованных в «Indonesia», на протяжении второй половины 1960-х годов касались проблем, связанных с развитием наций, национализма, националистических движений, национального строительства в Индонезии. В этом контексте не должно вызывать удивление того, что в 1983 году один из ведущих авторов журнала Бенедикт Андерсон опубликовал книгу «Воображаемые сообщест-

ва», которая впоследствии стала классической и знаковой в изучении национализма. Некоторые положения концепции националистического воображения и наций как воображаемых сообществ впервые были высказаны именно на страницах журнала «Indonesia» уже во второй половине 1960-х годов. Практически с первых лет существования журнала его редакторы сделали ставку на междисциплинарность, что, вероятно, стало одним из условий последующего динамичного развития журнала как универсальной площадки для обмена мнениями и идеями в рамках индонезийский штудий.

Библиографический список

1. Anderson B. The Languages of Indonesian Politics / B. Anderson // Indonesia. – 1966. – April. – P. 89 – 116.
2. Aveling H. The Thorny Rose: The Avoidance of Passion in Modern Indonesian Literature / H. Aveling // Indonesia. – 1969. – April. – P. 67 – 76.
3. Castles L. The Ethnic Profile of Djakarta / L. Castles // Indonesia. – 1967. – April. – P. 153 – 204.
4. Cooley Fr. L. Altar and Throne in Central Moluccan Societies / Fr. L. Cooley // Indonesia. – 1966. – October. – P. 135 – 156.
5. Cooley Fr.L. Village Government in the Central Moluccas / Fr.L. Cooley // Indonesia. – 1969. – April. – P. 139 – 164.
6. Geertz H. Latah in Java: A Theoretical Paradox / H. Geertz // Indonesia. – 1968. – April. – P. 93 – 104.
7. Istutiah Gunawan Mitchell, The Socio-Cultural Environment and Mental Disturbance: Three Minangkabau Case Histories, Istutiah Gunawan Mitchell // Indonesia. – 1969. – April. – P. 123 – 138.
8. Ki Hadjar Dewantara, Some Aspects of National Education and the Taman Siswa Institute at Jogjakarta [a translation] / Ki Hadjar Dewantara // Indonesia. – 1967. – October. – P. 150 – 168.
9. Liddle W.R. Suku Simalungun: An Ethnic Group in Search of Representation / W.R. Liddle // Indonesia. – 1967. – April. – P. 1 – 29.
10. McVey R.T. An Early Account of the Independence Movement / R.T. McVey // Indonesia. – 1966. – April. – P. 46 – 50.
11. McVey R.T. Taman Siswa and the Indonesian National Awakening / R.T. McVey // Indonesia. – 1967. – October. – P. 128 – 149.
12. Semaoen, The Indonesian Movement in the Netherlands Indies / Semaoen // Indonesia. – 1966. – April. – P. 50 – 75.
13. Smail J.R.W. The Military Politics of North Sumatra: December 1956 – October 1957 / J.R.W. Smail // Indonesia. – 1968. – October. – P. 128 – 187.

14. Sutherland H. *Pudjangga Baru*: Aspects of Indonesian Intellectual Life in the 1930s / H. Sutherland // Indonesia. – 1968. – October. – P. 106 – 127.
15. Tanner N. Disputing and Dispute Settlement among the Minangkabau of Indonesia / N. Tanner // Indonesia. – 1969. – October. – P. 21 – 67.
16. Veur P.W. van der, Cultural Aspects of the Eurasian Community in Indonesian Colonial Society / P.W. van der Veur // Indonesia. – 1968. – October. – P. 38 – 53.

Образ Ивана Грозного в геополитической системе американского исследователя Р. Каплана

Статья посвящена историко-философскому осмыслению работы Р.Каплана по геополитике и проблемам международных отношений «The Revenge of Geography», а также роли и места фигуры Ивана Грозного, образ которого подробно описан в работе, в истории России. Автор задается следующим вопросом: способна ли география, существенную роль которой отводит Р.Каплан, ответить на «все, - как писал сэр Х. Маккиндер, - теоретические вопросы истории» и главное, применимы ли законы географического детерменизма для всех без исключения эпох.

Ключевые слова: Иван Грозный, историография, геополитика

The article is dedicated to historico-philosophical analysis of work «The revenge of Geography» by R. D. Kaplan devoted to the problems of the international relations and geopolitics and also the role of Ivan the Terrible in the history of Russia which image is in detail described in the work. The author asks the following question: whether the geography is capable to answer on "everything, - as sir H. Makkinder wrote, - theoretical questions of history" and is the law of geographical determinism applicable for all times.

Keywords: Ivan the Terrible, historiography, geopolitics

Р. Каплан, признаваемый многими исследователями международных отношений, как один из наиболее влиятельных мыслителей, в одной из своих последних книг с говорящим названием «The Revenge of geography» [2], предлагает читателю свою наиболее полную, геополитическую, или историософскую систему.

Размышляя в духе классического реализма, Каплан, повторяя за Фукидитом [2.С.45], что человеческая природа неизменна и движима классической триадой «страхом-гордостью-выгодой», исходит из следующего принципа: если вы хотите узнать что-либо о том или ином народе/государстве/цивилизации, - взгляните на карту. «Я считаю, что хотя география вовсе не обязательно определяет будущее, она устраивает рамки достижимого и

недостижимого». «География есть самый фундаментальный фактор во внешней политике государств, потому что он наиболее постоянен. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются неколебимыми»[2.С.57], - словно подписывается автор под, возможно, самым знаменитым высказыванием геополитика Р. Спайкмена. «Положение государства на карте - первое, что является определяющим, больше чем политическая система... Ведь карты, - продолжает Каплан, - укор самому понятию равенства и единства человечества, так как они напоминают нам о многообразной окружающей среде, которая делает людей глубоко неравными и разъединенными столь многими способами, приводя к конфликту, в котором почти исключительно и пребывает реализм». [2.С. 49]

Спорить с подобного рода системой если совсем не невозможно, то в наивысшей степени трудно. Во-первых, отрицать географический фактор влияния на развитие истории нельзя, ведь еще задолго до американского геополитика (при допущении, что речь идёт только о России) В.О. Ключевский, М.С. Соловьев, С.Ф. Платонов «отдавали должное» географии России, говоря о влиянии не только рельефа, но и климатических, температурных условий, при которых зарождалась славянская народность. Во-вторых, география действительно способствовала на протяжении мировой истории разделению этно-конфессиональных народностей : «Когда мы смотрим сквозь века, именуемыми теперь темным Средневековьем, мы задумываемся, почему же язычники севера пиратствовали в северных водах Балтики, сарацины, мавры держали в страхе Средиземноморье, турки совершали набеги из Азии - в сердце христианского мира - с полуострова, окруженного морями со всех сторон». [4.С.72]

Но вместе с тем, возведение географии в степень абсолюта - не просто гносеологическая ошибка, которую допускали, скажем, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, но, скорее, и постоянно существующий научный соблазн, которому нередко поддаются исследователи. Объяснение картой всего сущего в мировой истории - заведомая её вульгаризация, построенная на банальном упрощении, отбрасывании за борт «неудобных» фактов, а также, как правило, возвеличивании одного конкретного государства. «Ни один, геополитик не говорит, что хозяином должен быть кто-то другой,

не его страна, не его народ. Я не знаю ни одного немецкого геополитика, который бы говорил, что хозяином должны быть русские, ни одного английского, - что хозяином должны быть немцы. Все себя считают хозяевами и научно это обосновывают».

[1]

Наша задача скорее ответить на следующие вопросы: является ли география «обобщенным ответом на любой конкретный теоретический вопрос» и применимы ли подобные законы географического или, если угодно, геостратегического, пространственного детерминизма одинаково для всех эпох.

Описывая «геополитическую» историю России, в главе *Russia and the Independent Heartland* Р. Каплан подробным образом останавливается только на одной исторической фигуре: Иване Грозном. Петр Первый, упоминаемый автором, уже тот «кем был для средневековой Московии Грозный». Словно Иван - это наглядный пример, центральная фигура и объяснение внешнеполитической истории России. Роль Романовых, по мнению Каплана, уже несколько меньше, хотя они и «определили облик сегодняшней России». Здесь ключевое слово *сегодняшней*: Романовым выпала честь осовременить, привести в «организованный» вид то, что создал Иван IV - континентальную империю. Интересна интерпретация роли Петра Великого геополитиком: «Конечно, больше всего Петр I известен тем, что на берегу Балтийского моря построил Санкт - Петербург».[2.С.183] Но остановимся на фигуре Ивана Грозного. «Грозный был первым на Руси великим строителем империи, роль, на которую в известной степени его толкали география и история».[2.С.180] Интересно, Иван Васильевич знал, что его «толкают» география и история? Удивительно, как схожи интерпретации отечественных геополитиков в отношении Ивана IV. Александр Дугин, например, называет его «царём мира», воссоздавшим «Великую степь», «Туран», буквально удержавший её от расчленения по записям, «например, немца фон Штадена, который, предвосхищая Макиндера или Бжезинского, чертил проекты расчленения России». По Каплану, Иван Грозный стремившийся к контролю над Уралом, завоёвывает Казанское ханство. Завоевание Астраханского ханства сулило царю прямым выходом к Персии, Кавказу (примечательно, что Кавказ - не просто географическая

единица, но целый «континент» у геополитика - Кавказ описывается им, как местность, где «за 200 лет истории случилось событий больше, чем в родном Стокбридже», описанием Кавказа открывается глава о России в рассматриваемой книге), Центральной Азии.[2.С182-183; 3] «Иван Грозный был неутомим и неуёмен. Практически параллельно с войной на юге велись боевые действия на территории современных Эстонии и Латвии, дабы обеспечить выход к Балтийскому морю». Этот тезис, по большому счёту, совпадает с тезисом другого исследователя международных отношений Московского царства А.Л. Хорошевич, которая говорит, что царь «буквально рвался к берегам Балтийского моря». [13. С.205]

Ранее, мы высказывали предостережение, что рассуждение в геополитическом ключе соблазнительно, и, порой, вульгарно, ибо оно склонно к упрощению и отбрасыванию за борт многих важных моментов. Первый такой момент - как это ни странно, фактический.

А) С точки зрения географии, парадоксальность заключается в том, что выход к Балтийскому морю, побережье Финского залива, был еще у великих князей, и при Иване Грозном он составлял следующие города-укрепления: Ладога, Ямгород, Орешек, Копорье, Ивангород. Р. Каплан, продолжая «традицию» [9.С. 620], как назвал это А.И. Филюшкин, Н.М.Карамзина, М.М.Щербатова, М.С.Соловьева и - практически всех современных исследователей международных отношений - А.Г. Дугина, А.А. Зимина, А.Л. Хорошевич, Р.Г. Скрынникова, А.В. Виноградова оказался , как назвал это Э. Тибберг, в «фундаментальном заблуждении», говоря, что Русь Ивана Грозного, «решительно отрезанная от Запада», рвалась к Балтике, выход к которой у нее был. То, что, по мнению большинства исследователей внешнеполитических сношений Московского царства, явилось главной причиной Ливонской войны - отныне исчезает. Понятное дело, что ни Урал, ни Центральная Азия, ни Персия, «доступ к которым» получал Иван, в источниках нигде не фигурируют . Вообще предполагать «геостратегическую» подоплёку борьбы за Балтику фактически не корректно, ведь «нет ни одного русского свидетельства, что Иван Грозный или российские политики его времени ставили перед собой такие

задачи»[10.С 47]. Полагание того, что не имеет фактического основания в истории - не более, чем её, как справедливо подводит итог анализу источников А.И. Филюшкин, «модернизация». Геополитика и, в частности Р. Каплан, неосознанно предписывает истории те черты, которыми она не наделена в данный конкретный момент, а именно - в XVI веке. На основании этого, можно прийти к выводу, что по крайней мере география Ивана Грозного уж точно «толкать» не могла.

Б) Об экономических предпосылках внешней политики Московского царства Р.Каплан не говорит, хотя традиция геополитики неразрывно связана с экономическим детерменизмом. Например, для описываемого в той же книге Капланом А. Мэхэне именно торговля - есть средство политики. Но и здесь, если присмотреться к источникам, мы не увидим никаких экономических предпосылок для войн Ивана Грозного. Говорящий пример в своей работе по международным отношениям в Балтийском регионе Г.В. Форсен: Ганзейский союз, удручённый войной Ивана, предупреждал его правительство, что «если царь будет вести войну с Ревелем, то датский король не пропустит через Зунд ни одного корабля в Россию и из России. Ответ Шуйского был совершенно неожиданным для городов: товары ваши, сказал он, нам не нужны, а датский король нам не страшен»[12.С.154]. Этот эпизод вполне наглядно говорит, что экономический фактор вообще не интересовал Ивана Грозного.

Второй момент - с которым читатель может не согласиться - момент гносеологический. Мы полагаем, что при построении той или иной геополитической модели, системы, авторы нередко допускают гносеологическую ошибку. Наиболее яркий пример подобной ошибки связан, безусловно, с «отцами» немецкой геополитики Ф. Ратцелем и К. Хаусхофером. Отношение Каплана к данным учёным весьма отрицательное: недаром глава, посвященная этим геополитикам называется *The nazi distortion*, что переводится как «Нацистское искажение». Немецкие геополитики совершили «искажение» прежде всего теории Х. Макиндера в двух моментах: во-первых, они заставили геополитику служить исключительно немецким интересам (чего не гнушался делать и сам Маккиндер в отношении Британии); во-вторых, они внесли в немецкую геополитику биологизм, что

породило необычайно яркую и опасную интеллектуальную мутацию дисциплины, завладевшей умами тысяч немцев в эпоху Третьего Рейха. Подобная мутация дала геополитики два понятия, ранее не существовавших в ней: *государство-организм*, как субъект международных отношений, живой, находящийся в движении, рождающийся и стареющий; *libensraum*, или *жизненное пространство* этих государств. Государства, выступающие субъектами международных отношений, превращаются в организмы, ищущие и борющиеся за своё жизненное пространство. Гносеологическая ошибка заключается прежде всего в том, что государство не обладает самостоятельной волей[1], а значит не может ни искать своего жизненного пространства, ни бороться за свою жизнь. Геополитики сознательно наделили государство этими свойствами, изъав человеческую компоненту. Внешнюю политику, понятное дело, совершают люди, ибо за волей государства стоит воля людей. Но лидер, склонный к агрессивной внешней политике, например Адольф Гитлер, вряд ли осмелился бы объяснить свои внешнеполитические аппетиты своим эго. «Перенаселенность», «народная общность», «жизненное пространство» и другие термины были задействованы геополитиками Германии в объяснении своих аппетитов, как пишет крупнейший исследователь национал-социализма Ф.Л. Нойманн [7.С.187]. Получается, что воля одного человека изымается, и «остаётся» одна лишь воля государства. Подобное «изымание» и есть суть гносеологической ошибки немецких геополитиков. Читатель мог бы поспорить, говоря что, не люди, но география формирует эти понятия. Но, изымая человеческий фактор, и оставляя государства и географию, якобы формирующую поведение государств, - мы не получим ровным счётом ничего, ибо волю государства определяет только воля человека, управляющего им. География прямо никогда не побуждает к развязыванию войны, или поиску «жизненного пространства». Это лишь компонент исторического процесса, но не его определяющая часть. Вернувшись к Р. Каплану мы замечаем как автор в разных местах использует подобные обороты: «Империя Ивана Грозного продолжала расширяться и во времена Бориса Годунова (1598 - 1606), особенно в юго-восточном направлении в сторону

Царицына (современный Волгоград), Уральских гор, казахских степей»[2.С.183] Исследователь не повторяет ошибку своих предшественников, рассуждая вне рамок какой-то определенной геополитической парадигмы, а также не изымает человеческий фактор, но тем не менее наделяет государства качествами личности. Его государства борются, растут, движутся. И, учитывая то, какую роль Р. Каплан отводит географии - некоего молчаливого судьи истории - законно предположить, что в его оборотах это не просто стилистический троп.

Трудно дать однозначную характеристику интерпретации Капланом геополитики Ивана Грозного, да и однозначна ли она вообще? В одном месте геополитик утверждает, что география толкала Ивана «вырваться» из геополитического тупика на севере, юге и востоке, сложившегося при его предшественниках, тогда как в другом месте Каплан пишет, что география - это «часть дела». Однако, если здесь возникает своего рода догматическая неопределенность - «часть дела» или главный двигатель? - в одном геополитическом императиве Каплан остаётся верным себе: география - ключ к понимаю истории. Своего рода ответ на «все теоретические вопросы». Но, оспаривая его важнейшие элементы: факты, философско-гносеологическую основу - мы пытаемся показать обратное: по крайней мере в эпоху Ивана Грозного -которая, сколько бы ни спорили, во многом ключевая - это не совсем корректно. И в предыдущих работах[6] об эпохе Средневековья, мы давали характеристику традиции межгосударственных сношений Московского царства краткое резюме чего сводится к следующему.

Внешняя политика государства Русь выстраивалась в религиозном ключе, (что, безусловно, исключает само собой политическое) истоки чего восходят к средневековому ордынскому периоду, сформировавшего своеобразный категориальный круг, которым пользовались книжники в литературно-публицистических произведениях: любовь, дружба, братство, предательство. «Филюшкин, характеризуя эти категории, говорит что за каждой из них предполагались конкретные действия государства или форма международных отношений. *Любовь* предполагала тесный политический союз, который мог быть направлен против третьей державы. Посол Ф. Писемский, например, говорил, что Иван

Грозный хотел предложить Дании перейти от «приятельского союза» к «любви союзной» против Ливонии. Более низкую ступень занимало *братство*, предполагающее а) союзничество, совместное ведение внешней политики, б) свободные торгово-экономические отношения. *Дружба* схожа с категорией *братства* - от свободных экономических отношений до совместной борьбы с неприятелем. «Быть на недругов заодин». Но помимо отношений союзных, мирных были и враждебные отношения - войне соответствовало *нелюбие*. Войны Ивана Грозного, как правило (этому, по крайней мере, есть источниковые подтверждения), начинались против тех государств, которым предписывалась категория «предательства». Мы видим, что подобные категории напоминают характер вовсе не государственных отношений, но скорее межличностных, из чего мы делаем логичный вывод, что роль государства на международных отношениях Средневековья была персонифицирована. Ошибочно полагать, что, описывая выше гносеологическую ошибку, где государство выступало как живой организм, тут автор опровергает себя, называя внешнеполитическую жизнь государства персонифицированной. Персонификация роли царя на арене межгосударственных сношений есть специфическая особенность Российской истории, исторический рецидив средневекового монгольского периода, когда от лица княжества говорил один князь, *лично* получая ярлык на княжения и вступая с ханом в непосредственный диалог, от которого зависела судьба княжества, действовал на внешнеполитической арене. Следовательно, человеческая доминанта не «изымается», но, наоборот, абсолютизируется. Персонификация, религиозная парадигма межгосударственных отношений, а также специфический категориальный круг, которым пользовался царь, вели к легитимизации любой внешнеполитической акции царя в глазах Бога, отчего он и позиционировал себя, как тот, кто властен карать за «предательство» недружные государства.

Нетрудно догадаться, что такой сложный круг понятий и громоздкая «система ценностей» скрывали одно - вульгарную агрессию царя, мыслившего себя единственным легитимным православным царём. Это, если угодно, тоже геополитика средневековому. Но главное, к чему мы приходим, - география не

властна (по крайней мере конкретно эту эпоху) объяснить мотивационную составляющую Ивана Грозного, а следовательно, её роль - остаётся иллюстративной. Рационализирующий внешнюю политику Пётр гораздо ближе стоит к классическому пониманию геополитики, как дисциплины, объясняющей отношение национального государства к своим границам и пространству, соседствующему с ними. Более того, говорить о таком понятии, как «национальное государство» в эпоху Ивана Грозного нельзя. В более ранней работе мы остановились на таком понятии Средневекового времени, как универсализм, не имеющий ничего общего с национальным государством.

Библиографический список

1. Зубов А.Б. Тщета геополитики: вызов геополитики и ответ новой Европы / А.Б. Зубов - (<http://www.novayagazeta.ru/lecture-hall/72666.html>)
2. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Роберт Каплан. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. - 384 с.
3. Kaplan R.D. What makes history / R.D. Kaplan - (<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2000/03/what-makes-history/378060/>)
4. Kaplan R.D. Kissinger, Metternich, and Realism / R.D. Kaplan - (<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1999/06/kissinger-metternich-and-realism/377625/>)
5. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality / H.J. Mackinder - (<https://archive.org/details/democraticideals00mackiala>)
6. Михалёв О.Ю. Неклюдов Н.Я. Категории внешней политики Московского царства / О.Ю. Михалёв. Н.Я. Неклюдов - (http://www.ir.vsu.ru/periodicals/pdf/panorama/panorama2016_1.pdf)
7. Нойманн Ф.Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933-1944 / Ф.Л. Нойманн.- СПб.: Владимир Даль, 2015. - 591 с.
8. Россия XV - XVII вв. глазами иностранцев / [Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова]. - Л.: Лениздат, 1986. - 543 с.
9. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVIв. глазами современников и потомков / А.И. Филюшкин.- СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. - 880 с.
10. Филюшкин А.И. Дискурс Ливонской войны / А.И. Филюшкин // *Ad Imperio*. - 2001. - С. 43 - 108.
11. Формирование территории Российского государства. XVI - начало XXв. (границы и геополитика) / отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М.: Институт

российской истории РАН; русский фонд содействия образованию и науке, 2015. - 264 с.

12. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648). Т.1. Борьба из-за Ливонии / Г.В. Форсен. - СПб.: Типография В.С. Балашева и К, 1893. — 717 с.
13. Хорошевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века / А.Л. Хорошевич. - М.: Древлехранилище, 2003. - 622 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

А. Курбатов

Информационный фактор в мировой политике

«Средства массовой информации не менее опасны,
чем средства массового уничтожения»

П.Л. Капица

В статье приводится история становления информационного фактора как значимого элемента международных отношений. Данный вопрос рассматривается на примере русско-американских отношений во время Холодной войны и на примере российской операции в Сирии.

Ключевые слова: СМИ, информационный фактор, мировая политика

The article deals with the history of information factor development as an important element of international relations. Practically this matter is examined at the example of Russian-American relations during the Cold War and Russian actions in Syria.

Keywords: media, information factor, world politics

XXI век - век высоких достижений. Человечество сделало огромный рывок в программировании, компьютеризации, развитии информационных технологий. Безусловно, остается неоспоримым тот факт, что всё это многообразие нововведений создавалось исключительно с благими намерениями. Однако, к сожалению, у медали есть и обратная сторона. А именно, человечество достигло такого уровня в IT среде, который позволяет и дает возможность вести настоящее противоборство или даже войну в информационном пространстве. Ибо в настоящий момент весь мир весьма ограничен в открытом проявлении агрессии. Международное право, различные организации и альянсы вряд ли допустят эскалацию конфликта до прямого столкновения. Поэтому сейчас достаточно часто военный театр сражения происходит не в открытом противостоянии, а в информационной среде - орудии так называемой мягкой силы.

Методы стратегического воздействия информацией были из-

вестны еще во времена князя Святослава, который часто, собираясь в военный поход, направлял послание к своему неприятелю: «Хочу на вы идти». Подобные приемы были продолжены Чингисханом, посылавшему «ярлык» какому-либо правителю с предложением сдаться без начала военных действий.

Важным событием в становлении понятия «информационное противостояние» явилась Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. Во времена данного конфликта впервые был организован выпуск листовок с информацией для читателей. В это же время появляется слово «пропаганда» в связи с активным распространением христианских учений со стороны католической церкви [1].

Ярким примером пропагандистской деятельности во времена Российской Империи может служить деятельность прославленных полководцев А. В. Суворова и М.И. Кутузова. Александр Васильевич в своей знаменитой книге «Наука побеждать» помимо способов ведения военных действий, указывает и приемы для воспитания и обучения солдат, методы психологического воздействия на противника. Михаилу Илларионовичу в своем обращении к гражданам Польши впервые использовал текст пропагандистского характера, призывая их к конкретным действиям [2].

Однако техника осуществления борьбы информацией совершенствовалась и во времена Первой мировой войны, что, в конечном счете, привело к поражению России и Германии. Последняя стала заложницей психологических операций стран-союзниц в своем тылу. Немецкие социалисты, стремившиеся ликвидировать кайзерскую власть, получали поддержку со стороны Антанты.

Особенно ярко степень влияния пропаганды в войне раскрывает американский политолог, профессор Йельского университета Гарольд Лассуэл в своем труде «Технология пропаганды в Первой мировой войне». Его подходы заключались в следующем:

- Военные действия необходимо проводить в трех направлениях: военном, экономическом и пропагандистском.
- С помощью пропаганды можно воздействовать на психологическое положение противника.
- Пропагандист должен учитывать международную ситуацию и общие тенденции [3].

Безусловно, одним из самых показательных случаев применения пропаганды в военных целях является деятельность фаши-

стов. В 30-е годы в Германии существовало специальное министерство, которое возглавлял Геббельс. Данный институт консолидировал в себе информационно-психологические подразделения рейха, став фактически гегемоном пропаганды. Ибо под его влиянием находились радиовещание, пресса и тд. Практически каждый день представители министерства, иногда и Геббельс, созывали закрытые пресс-конференции, посещение которых для представителей немецких СМИ было обязательным. Такая унификация масс-медиа делала возможными всеобщее распространение идей национал-социализма и поддержку агрессивной фашистской внешней политики местным населением.

После начала военных действий между Советским Союзом и фашистской Германией немцы на протяжении достаточно долгого периода времени пытались распространить сведения, что Сталин находился в замешательстве на начальном этапе войны. Однако именно в это время Сталин приложил неимоверные усилия для становления основ информационного превосходства СССР. По его предложению была создана Ставка Верховного Главнокомандования, руководство над которой Сталин взял с 1941 года. Кроме того, именно по приказу Сталина Главное управление политической пропаганды разработало постановления, исходя из которых перед советскими СМИ ставилась цель развития у населения таких качеств, как патриотизм, смелость, бесстрашие. Помимо этого были утверждены патриотические лозунги: «Все силы на борьбу с фашизмом! Наше дело правое. Враг будет разбит» [4].

24 июня 1941 года по решению Сталина было принято постановление «О создании и задачах Советского информационного бюро». В качестве его основных задач провозглашались:

- Контроль по освещению международных событий в СМИ.
- Разработка контрпропаганды против немецкой пропаганды.
- Составление военных сводок по материалам Главного Командования [5]

В те дни в стране была особо распространена идея патриотизма. Навязывание догм пролетариата сменилось взыванием к национальным чувствам, особенностям национального характера. Очень часто советские СМИ приводили примеры из истории, рассказывая о великих полководцах, прошлых военных успехах страны. Однако у партийного руководства на тот момент возникали и

определенные трудности, в частности, с донесением информации до западной общественности. Уже на завершающем этапе войны западные демократии и Советский Союз обсуждали вопросы послевоенного устройства на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. В этот период разгораются споры между СССР и США, в частности, из-за советского присутствия в Восточной Европе. В 1946 году У. Черчилль заявил, что над Европой опускается «железный занавес». В свою очередь Сталин утверждал, что Вторая мировая война была неизбежным и неминуемым следствием «капиталистического империализма» [6]. Данный период напряженности в отношениях Востока и Запада в исторической науке принято называть Холодной войной. Причем именно информационное противоборство являлось определяющим элементом, влияющим на жизни целых государств и наций. В данной ситуации американская сторона стремилась создать для себя максимально выгодные условия.

Подтверждением тому является работа американского политолога и социолога З. Бжезинского «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США И СССР», из анализа которой становится ясно, что ключевые цели Соединенных Штатов заключались в следующем: разделение Советского Союза на отдельные части; уменьшение влияния России; ослабление ее военных возможностей; разжигание конфликта между Россией и Германией; контроль данного конфликта со стороны, дабы обеспечить себе обновление экономики и преодолеть кризис [7].

Как известно, в 1991 году Советский Союз распался, Холодная война была поиграна. Одной из причин данного поражения была неспособность советского руководства вести равную борьбу в информационной сфере. Напротив, Соединенные Штаты уделяли вопросам информационной безопасности куда больше внимания, особенно в 1980-х годах. Например, Р. Рейган в 1983 году утвердил директиву № 77 – «Управление общественной дипломатией, относящейся к национальной безопасности» [8].

В рамках данного документа подчеркивалось, что необходимо укреплять организацию, планирование и координацию различных аспектов публичной дипломатии США. Также подразумевалось создание 4 комитетов: По связям с общественностью, Международной информации, Международной политики, Международного

радиовещания. Каждый комитет был обязан регулярно отчитываться перед Специальной группой планирования, которая в свою очередь несла ответственность за то, что функционирующие программы обеспечивают поддержку национальной безопасности.

Создание подобных комитетов и групп не происходило на пустом месте. Все это были звенья одной цепи. Так, в одной из директив американского Центра Национальной Безопасности от 1947 года говорится, что основными целями данного подразделения являются: содействовать проведению тайных психологических операций, направленных на противодействие советской деятельности; гарантировать, что вся внешне информационная деятельность контролируется; обеспечить проведение операций Центрального разведывательного управления в интересах внешней политики США, внешней информационной деятельности, а также дипломатических и военных действий за рубежом [9].

Как же в тот момент действовал Советский Союз?

После достаточно удачно проведенной 8-й пятилетки (1966—1970) высшие круги власти в СССР заняли выжидательную позицию. С нашей стороны выражалось открытое одобрение «Разрядки», однако, негативным последствием данного решения явилось явное ослабление в сфере информации. Кроме того, СССР терял собственную независимость — нам постоянно указывали на вопрос о правах человека, что, в свою очередь, являлось отличным предлогом для информационного воздействия на СССР в виде нелестных отзывов и комментариев по данной проблеме, нарастало идеологическое давление. Также следовало бы упомянуть, СССР испытывал определенные трудности и со структурными подразделениями. Конечно, в стране работали: Институт США и Канады, Всесоюзный институт системных исследований Государственного комитета по науке и технике Академии наук СССР, Институт мировой экономики и международных отношений. Однако в эпоху «Разрядки» влияние западных институтов было преобладающим, что делало советские центры мало конкурентоспособными. И последнее, СССР вел борьбу идеологий, а против него шла борьба информационная — понятие более обширное, и, как выяснилось впоследствии, для советских специалистов малознакомое [10].

Как бы то ни было, данные события уже являются историей. Наша же задача заключается в том, чтобы извлечь уроки прошло-

го и никогда не повторить их в будущем. Тем более что сейчас влияние информационного фактора не перестает возрастать. Отличным примером чему служит отображение в СМИ военных операций Российской Федерации в Сирии.

Как известно, отношения двух государств регулируются в соответствии с Договором «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 8 октября 1980 года [11]. Действуя в соответствии с данным документом, Башар Асад в сентябре 2015 года обратился к российской стороне с просьбой о военной помощи. Первые удары Россия нанесла уже 30 сентября. Реакция западных СМИ на данный инцидент не заставила себя ждать.

Так, «The New York Times» заявила, что российские авиаудары были направлены не по позициям Исламское государство, а по расположениям оппозиционных групп, борющихся против режима Асада. Также в данной статье приводятся слова государственного секретаря США Джон Керри, заявившего, что администрация Обамы будет приветствовать «любые реальные усилия» Москвы, направленные против Исламского государства [12].

Кроме того, была напечатана статья в «Washington Post», где значительное внимание уделено российскому техническому потенциалу, особенно, авиатехнике. Автор проводит очень интересную параллель между событиями в Украине и ближневосточном конфликте, а именно он заявляет, что во время войны в Украине украинские ВВС потеряли несколько самолетов СУ-25s из-за атак ракет для стрельбы с плеча, известных как ПЗРК, которые были запущены поддерживаемыми Россией сепаратистами. Подобно сепаратистам, с такими же достаточно сложными ПЗРК, как китайский FN-6 и российский SA-16, были замечены представители Исламского государства и бойцы против режима Асада [13].

Также «CNN», ссылаясь на Джона Маккейна сообщила, что российские удары были направлены не по ИГИЛ, по поддерживаемыми отрядами ЦРУ противникам правления Асада. В свою очередь, Д.Маккейн в данном интервью сказал, что он может абсолютно подтвердить направленность российских ударов против Свободной сирийской армией, поддерживаемой США и обучаемой ЦРУ [14].

Таким образом, проанализировав ряд западных СМИ, мы понимаем, что, конечно, открытой антироссийской

направленности они не имеют. Ведь, с одной стороны, США и Россия – две великие державы – вместе делают одно дело, борются с распространением радикального ислама, террористической угрозой в лице ИГИЛ. С другой, ознакомившись с иностранной прессой, мы не можем сказать, что их оценка российской деятельности в данном регионе является однозначно положительной. Очень часто упоминается о том, что наши войска обстреливают те регионы, где расположено наименьшее количество боевиков.

власти приветствуют готовность России направить ВВС в республику для борьбы с ИГ». Он добавил, что Дамаск рад любой помощи, «будь то авиаудары или наземная операция». Посол подчеркнул: «Эта просьба исходила лично от президента Башара Асада. Все эти действия, конечно, соответствуют международному праву и Уставу ООН». А по словам политического советника министра информации Сирии Али аль-Ахмади, российские военные будут присутствовать в стране на законных основаниях по приглашению Дамаска, что станет «уроком для Запада» [15].

«Российская газета» указала, что самолеты Воздушно-космических сил РФ нанесли точечные удары по пяти объектам "Исламского государства". Был полностью уничтожен командный пункт террористов в провинции Идлиб. В той же провинции авиаударом была разрушена инфраструктура лагеря подготовки боевиков ИГИЛ [16].

«Коммерсант» в одной из своих статей упомянул российского министра иностранных дел С.В. Лаврова: «Нет, мы не планируем расширять наши авиаудары на Ирак, мы не были приглашены, нас не запрашивали, и мы, как вы знаете, вежливые люди, мы не придем, если нас не пригласят» [17].

Итак, рассмотрев ряд российских СМИ, мы можем сказать, что в целом «четвертая ветвь власти» оправдывает действия российского правительства, по крайней мере, не выступает явно против. Также указывается, что авиаудары совершаются исключительно по территориям, находящимся под контролем у террористов и не по каким иначе.

То есть, после сравнительного анализа мы можем сказать, что относительно небольшой промежуток времени (30.09.15-02.10.2015) в западных и российских СМИ вызывает относительные разногласия. Прежде всего, следовало бы упомянуть, что основным кам-

нем преткновения являются районы обстрела ВВС России. По мнению американцев, основной удар российских авианалетов направлен не по представителям ИГИЛ, а по мирным жителям. Конечно, в последнее время для Соединенных Штатов уже стало нормой желание нести все народам демократию и гуманизм. Однако, на мой взгляд, в конкретном данном случае ключевым является тот факт, практически во всех американских масс-медиа вместе со словами мирное население идет упоминание «борющиеся с режимом Асада». На мой взгляд, в этой ситуации мы можем наблюдать не беспокойство США за сирийских граждан, а тревогу за собственные национальные интересы в связи с вмешательством нашей страны в военную операцию. Данное обстоятельство является вполне логичным, ведь ни для кого не секрет, что Россия и США придерживаются разных точек зрения относительно внутренней политики в Сирийской Арабской Республике.

Однако, как известно, Президент России Владимир Путин заявил, что с 15 марта 2016 года Россия вывела основной контингент своих военных сил из Сирии. Освещение данного события в западных масс-медиа также нельзя назвать однозначным.

К примеру, «The New York Times» опубликовала статью, в которой говорится, что данное решение России не столько застало Вашингтон врасплох, но и опровергло убеждение американского президента, что подобный военный авантюризм нанесет России серьезный ущерб. Однако, в целом, американская сторона утверждает, что российское вмешательство сделало поиск политического решения еще более сложным. Тем не менее, США уверены, что если их военное присутствие в регионе продолжится, в конце концов, результат будет достигнут [18]. «The Washington Post» также заявляет, что подобный шаг России был весьма неожиданным для штатов, как и в прошлых случаях – во время аннексии Крыма и вторжения в Восточную Украину. Также подчеркивается, что успехи России в этой военной операции во многом идут в ущерб интересам США и целям, поставленным Обамой в регионе, ибо произошло укрепление режима Асада [19].

Говоря о СМИ России, следовало бы упомянуть, что «Независимая газета» считает вывод российских войск из Сирии обусловленным выполнением основной задачи, поставленной перед Минобороны. Однако российская сторона намерена сохранить пункты

базирования российских вооруженных сил в Тартусе и Хмеймиме. Они будут функционировать в прежнем режиме [20].

Основной смысл статьи в «Российской газете» сводится примерно к тем же обстоятельствам – Россия не просто выполнила свои задачи, а сделала это профессионально. Также упоминается, что во время боевой операции наша страна апробировала многие оружейно-технические новинки, которые в последние годы массово приходят в Российскую армию, и убедило мир в преимуществах нашего оружия [21].

Итак, рассмотрев вышеуказанные примеры, можно прийти к выводу, что Россия и США рассматривают вывод военного контингента нашей страны из Сирии в разных плоскостях. Так, Соединенные штаты, прежде всего, пытаются акцентировать внимание на том, что регион Ближнего Востока является их непосредственной зоной влияния. Хотя действия России в целом соответствуют тем ориентирам, которые были установлены международной коалицией по борьбе с ИГИЛ, они идут в разрез со стратегическими интересами США, которые, как уже было сказано, стремятся низвергнуть текущего президента Сирийской Арабской Республики. Кроме того, провидится достаточно неоднозначная параллель между сирийскими событиями и украинским кризисом. Причем это делается в весьма провокационном контексте.

В то же время реакция российских масс-медиа в целом соответствует общегосударственной линии по данному вопросу. Результаты военной операции в Сирии носят положительную оценку, ибо после ее выполнения в регионе произошло определенное сокращение террористической угрозы, освобождение значительных территорий, захваченных ранее. Данные результаты полностью соответствуют ожиданиям официального сирийского правительства. На мой взгляд, участие России в данной борьбе с террористами носит определяющий характер. Это является одним из первых России проявлений нашей страны на мировой арене как мощной военной державы, которая имеет свое мнение по текущей повестке дня и мнение которой необходимо учитывать. Безусловно, еще не забыт опыт неудачной для России афганской кампании. Возможно, именно поэтому Россия, с одной стороны, стремится оказать всяческую поддержку официальному правительству, а с другой, не позволяет вовлекать себя в конфликт вопреки собст-

венным интересам и тем возможностям военного плана, которыми наша страна обладает на данный момент.

В заключении мне хотелось бы сказать, что наша страна всегда занимала лидирующее положение по своему военному потенциалу, боевой моще и силе. Однако, к сожалению, будучи увлеченными в так называемую «Гонку вооружений», мы совсем не уделяли внимание развитию альтернативных методов ведения борьбы, в частности в информационном пространстве. По мнению многих отечественных специалистов, это оказало ключевое значение на распад СССР, на наш проигрыш информационного противостояния во время Грузино-Осетинского конфликта 2008 года. Однако, как бы то ни было, для неповторения подобного инцидента в будущем в России был принят целый ряд мер по укреплению информационной безопасности страны. В том числе и указания Совбеза РФ и указы Президента. Благодаря ему можно с уверенностью заявить, что когда России был брошен новый вызов – события в Крыму 2014 – наша страна сумела дать достойный отпор противнику. Достаточно четкое представление о происходящем имели как в России, так и за рубежом. Да, конечно, существует еще множество направлений, требующих существенной доработки. Однако уже проделанная работа может говорить о наличии положительной динамики в решении вопроса информационной безопасности нашей страны.

Библиографический список

1. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика/ И.Н. Панарин. - М.: Поколение, 2006. — 560 с. — URL: <http://www.twirpx.com/file/92761/> (дата обращения 30.04.2016).
2. Суворов А.В. Наука побеждать/ А.В. Суворов.- М.: Воениздат, 1980. – 56с. – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=133082> <http://www.twirpx.com/file/92761/> (дата обращения 30.04.2016).
3. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War/ H.D. Lasswell. - Martino Fine Books, 2013. – 244 p. – URL: <http://www.bookdepository.com/Propaganda-Technique-World-War-Harold-Lasswell/9781614275060> (дата обращения 30.04.2016).
4. Панарин И.Н. Информационная война и мир/ И.Н. Панарин.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.- 384 с.
5. Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о создании и задачах

- Советского Информационного бюро.- 1941. – URL: <http://kpss-ru.livejournal.com/1246.html> (дата обращения 30.04.2016)
6. Revelations from the Russian Archives. – URL: <https://www.loc.gov/exhibits/archives/sovi.html> (дата обращения 30.04.2016)
  7. Brzezinski Z. Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest/ Z.Brzezinski.- 1986.-228p.- URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjwL0pi7fMAhXBNpoKHSKxAuwQF> (дата обращения 30.04.2016)
  8. Management of public diplomacy relative to national security.- Ronald Reagan Library.-1983.-3p.- URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm> (дата обращения 30.04.2016)
  9. Memorandum From the Executive Secretary to the Members of the National Security Council.- 1947.- URL: <http://www.voltairenet.org/article163479.html> (дата обращения 30.04.2016)
  10. Панарин И.Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР / И.Н. Панарин. – СПб.: Питер, 2010. – 256с.
  11. Договор О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой (действующий).-1980.- URL: <http://war-in-syria.livejournal.com/156647.html> html (дата обращения 30.04.2016)
  12. Russians Strike Targets in Syria, but Not ISIS Areas.- URL: http://www.nytimes.com/2015/10/01/world/europe/russia-airstrikes-syria.html?_r=0 (дата обращения 01.05.2016)
  13. This is the airpower Russia has in Syria.- URL: <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2015/09/21/these-are-the-28-jets-russia-now-has-in-syria/> (дата обращения 01.05.2016)
  14. McCain: Russian airstrikes target CIA-backed rebels.- URL: <http://edition.cnn.com/2015/10/01/politics/john-mccain-cia-russia-airstrikes/index.html> (дата обращения 01.05.2016)
  15. Москва и Вашингтон не поделили небо над Сирией.- URL: http://www.ng.ru/politics/2015-10-01/3_siria.html (дата обращения 02.05.2016)
  16. Стали известны итоги второго дня российской военной операции в Сирии.- URL: <http://rg.ru/2015/10/01/siria-anons.html> (дата обращения 02.05.2016)
  17. Сергей Лавров: Россия не планирует наносить авиаудары по ИГ в Ираке, нас туда не приглашали. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2822452> (дата обращения 02.05.2016)
  18. What Quagmire? Even in Withdrawal, Russia Stays a Step Ahead.- URL: <http://www.nytimes.com/2016/03/16/us/politics/what-quagmire-even-in-withdrawal-russia-stays-a-step-ahead.html> (дата обращения 03.05.2016)
  19. Vladimir Putin rides out of Syria as a victor. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/vladimir-putin-rides-out-of-syria-as-a-victor/2016/03/15/9a1ca556-eac1-11e5-bc08->

3e03a5b41910_story.html (дата обращения 02.05.2016)

20. СМИ: Путин решил вывести войска, чтобы не увязнуть в сирийском болоте.- URL: http://www.ng.ru/armies/2016-03-15/100_obzor150616.html (дата обращения 02.05.2016)
21. Спасибо за работу. – URL: <http://rg.ru/2016/03/17/rossijskie-voennye-vypolnili-svoi-zadachi-v-sirii.html> (дата обращения 02.05.2016)

Македонские мотивы в раннем болгарском национализме

Автор анализирует исторические основания и предпосылки развития болгарского македонизма. Македонские сюжеты и проблемы занимали одно из центральных мест в творчестве нескольких болгарских поэтов 19 века. Болгарская поэзия содействовала болгаризации Македонии и ее интеграции в болгарский культурный контекст. Болгарская система образования позднее также включилась в болгаризацию Македонии. Публикации научно-популярных книг о Македонии также содействовали ее восприятию как болгарского региона.

Ключевые слова: Болгария, Македония, историография, идентичность

The author analyzes historical basis and backgrounds of Bulgarian Macedonianism. Macedonian images and narratives occupied one of the central places in works of few Bulgarian poets of the 19th century. Bulgarian poetry assisted to Bulgarization of Macedonia and its integration in Bulgarian cultural context. Bulgarian educational system also included in Bulgarization of Macedonia. Publication of popular science books about Macedonia also contributed to its perception as Bulgarian region.

Keywords: Bulgaria, Macedonia, historiography, identity

История Болгарии в XX веке – это и история болгарского национализма. Национализм был одним из наиболее мощных и влиятельных трендов в политической жизни Болгарии, оказывая воздействие и на интеллектуальное сообщество. Вероятно, именно интеллектуалы были основными теоретиками и носителями националистической идеологии. Болгарский национализм, подобно другим национализмам Балканского региона [27], развивался как дихотомия политических и этнических трендов. Сложно однозначно определить какие именно тренды доминировали в идейной платформе болгарского национализма. При этом значительное число теоретиков болгарского национализма предлагали синтетические версии болгарской национальной идеи, в состав которых были интегрированы политические и этнические тренды.

Вопросы, рассматриваемые автором в данной статье, относятся к числу недостаточно изученных в российской историографии [9; 31], а число российских работ по этой теме остается незначительным. В более ранних публикациях автора отражены некоторые проблемы формирования и изменения македонских образов и нарративов в контексте болгарской исторической памяти и националистического воображения. В

целом систематизированного изучения болгаро-македонских взаимных представлений в современной российской историографии не ведется. В болгарской и македонской историографиях изучение этой проблематики является табуированным, так как большинство историков склонны культивировать и развивать националистические мифы. Поэтому, болгарские и македонские работы в большей степени претендуют на статус источника, а не исследования, по истории соответственно болгарского или македонского национализма.

Для болгарской националистической традиции в XX веке необычайно привлекательной оказалась идея построения Великой Болгарии, которая должны была быть этнически чистым болгарским государством, включающим в себя все болгарские земли, в том числе – Македонию. По мнению националистически ориентированных интеллектуалов, болгарскость базировалась на трех ценностях – болгарском этнополитическом мифе, болгарском языке и православии. Болгарский миф был явлением двойного плана. Миф являлся политическим и этническим одновременно, будучи тесно связанным с болгарской редакцией мессианской идеи и верой болгарских политических и культурных элит в то, что именно болгары и Болгария должны доминировать на Балканах. Болгарские элиты на протяжении XX столетия трижды пытались реализовать этот национальный проект – дважды в качестве инициатора военных действий (первая балканская война, вторая мировая война) и один раз как обороняющаяся сторона (вторая или межсоюзническая балканская война). Во всех трех случаях болгарские политические элиты руководствовались националистическими aspirationами и стремления создания «Великой Болгарии».

Примечательно, что в двух случаях активной военной внешней политики Болгарии основные интересы болгарских элит были сосредоточены в регионе Македонии, которая никогда не соотносилась с образами Другого (что для болгарских авторов было просто невыносимо [1, 2, 22]), но практически всегда фигурировала в контексте развития идей самости, болгарской, болгарской идентичности. В силу того, что болгарская армия в период Балканских войн вела действия на территории этого региона [17] македонская тематика интегрировалась в болгарский исторический и политический дискурс, а Македония в значительной степени актуализировала свое значение как универсального «места памяти» для целого ряда болгарских

интеллектуалов, которые получили военный опыт именно на ее территории. Подобные моменты, как полагают болгарские авторы, легитимизируют именно болгарские претензии на Македонию. Болгарский язык и православие, как две компоненты болгарского мифа, оставались преимущественно политическими маркерами, которые активно использовались для определения и позиционирования сообщества по принципу свой – чужой. Все, кто не владел болгарским языком и не был православным, автоматически выставлялись за пределы болгарского сообщества – болгарской политической нации.

Классические примеры подобного разделения – отношение со стороны болгарских националистов к сербам и помакам. Сербь автоматически воспринимались как однозначно чужие, что подкреплялось не только языковыми отличиями, но и политическими противоречиями. Помаки отделялись в виду того, что были мусульманами. Но если за сербами болгарские националисты признавали право быть другими, то в отношении помаков они подобного не позволяли, обрекая их на ассимиляцию и принудительную христианизацию. Эти стратегии переносились и на славянское население Македонии с неясной идентичностью, которому, как полагали болгарские авторы, надлежало стать болгарским.

В идеологии болгарского национализма существовало и сообщество, которое занимало промежуточный статус между сербами и помаками. Это были македонцы. Единственное, что сближало их с болгарам, это – славянское происхождение и принадлежность к православной Церкви. С другой стороны, македонские националисты были склонны позиционировать македонцев как отдельную нацию, которая достойна того, чтобы обладать своим национальным государством – Македонией. Болгарские националисты относились к македонцам иначе. Для болгарских националистов Македония была именно Болгарией, одним из болгарских регионов. Для них македонцы были болгарам. В этой ситуации македонский язык воспринимался как испорченный сербам болгарский или совокупностью болгарских диалектов, которые изменились под сербским влиянием. «Испорченность» или «диалекты» – эти понятия не имели для болгарских националистов особого значения в виду того, что отношение к македонскому языку почти всегда оставалось негативным.

Начиная с 1880-х годов болгарскими авторами предпринимались активные попытки интегрировать Македонию в болгарский контекст. Деятельность нескольких поколений софийских интеллектуалов была подчинена одной цели – формированию болгарского образа Македонии. Среди первых форматоров македонских образов в болгарском национализме стал Иван Вазов, который идеализировал македонскую борьбу как форму именно болгарского националистического движения, обращаясь к Македонии не иначе как «Македонию, родину мила!» [9, С. 27 – 28] и призывая своих соотечественников быть македонцами («иди, о брате, в Македония!» [8, С. 81]), то есть принимать участие в борьбе против «чуждо иго» [23, С. 419], борьбе за освобождение македонских земель, в состав которых вошли бы «Солун, Шар, Пирин и Рила» [7, С. 29 – 30], и их фактическую инкорпорацию в состав Болгарии, что было попыткой актуализировать не только болгарское восприятие региона, но и его именно болгарский характер. В более радикальной версии будущая Болгарская Македония должна была охватывать территории «от Шар бо белия Егей» [28, С. 120]. Теодор Траянов и вовсе писал об освобождении Македонии, где вновь свободно будет звучать «славен български език» [29, С. 133 – 134]. Другие авторы также не менее активно локализовали в своих поэтических текстах македонские города (Тетово [5, С. 112; 6, С. 113]) и Вардарский регион [4, С. 108; 21, С. 192 – 193; 24, С. 108] в целом, что воспринималось ими как форма болгаризации македонского пространства. Усилиями болгарских авторов подобной символической болгаризации была подвергнута и Солунь [3, С. 109 – 110]. Константин Величков, который активно формировал образ Македонии как жертвы [11, С. 204] антиболгарских устремлений ее соседей, патетически вопрошал «Чия е македонската земля» [12, С. 70 – 71], актуализируя тем самым болгарские стремления, направленные на интеграцию Македонии именно в болгарское пространство. Аналогичные мотивы жертвенности Македонии, ставшей «истерзанной матерью» [13, С. 226], мученицей антиболгарской политики, звучат в текстах Любена Димитрова [16, С. 225] и Кирила Христова [30, С. 110].

В целом болгарский национализм отрицал существование македонской нации и македонского языка, видя в македонцах часть болгар, предлагая им такой вариант идентичности, который предусматривал их почти полную интеграцию в состав болгарской политической и этнической нации. В этом отрицании

существования отдельной македонской идентичности болгарские интеллектуалы, вероятно, понимая и чувствуя шаткость и общую нестройность своих предположений активно ссылались на опыт зарубежных исследователей, которые разделяли болгарскую точку зрения, сводившуюся к включению Македонии и македонцев в болгарский исторический, культурный, этнографический и языковой контекст. Особой популярностью среди болгарских интеллектуалов, которые занимались продвижением и популяризацией именно болгарского восприятия Македонии пользовалась работа немецкого этнографа первой четверти XX века Густава Вайганда «Этнография Македонии» [32], позднее переведенная на болгарский язык [10].

Болгарским авторам особенно импонировало то, что немецкий ученый верил в то, что «большая часть сельского населения» в Македонии «было и остается болгарским». Описывая демографическую структуру македонского населения, Густав Вайганд на первое место по численности ставил болгар. Используя термин «македонцы», Г. Вайганд не придавал им специфического македонского содержания, полагая, что македонцев следует рассматривать в качестве этнографической группы болгар. Анализируя особенности этнической истории Македонии, Г. Вайганд «населял» ее не просто абстрактными славянами, но болгарами, а государственные традиции, которые в разное время имели место на территории Македонии, оценивались им также как «болгарские». По мнению немецкого автора, в первой четверти XX века болгары составляли значительную часть городского населения Македонии. Кроме этого славянские языки, на которых говорило население Македонии в Средние Века, немецкий этнограф соотносил со «староболгарским языком». Густав Вайганд полагал, что отдельного и самостоятельного македонского языка не существует, а славянские диалекты на территории Македонии следует рассматривать в качестве болгарских.

В такой ситуации Македония в рамках болгарского националистического дискурса фигурировала как понятие почти исключительно географическое, а македонские города (например, Скопье [20], Охрид [25] и даже Солунь [26]) были интегрированы, благодаря развитию среднего образования [18], в болгарский канон и контекст болгарского пространства. Если же ему и придавали этнический или политический смысл, то это делалось в болгарском понимании Македонии. Македония могла

быть правильной, если это была болгарская Македония. Македонизм оценивался позитивно, если им управляли из Софии, а его сторонники выступали за объединение с Болгарией. В противоположных случаях македонская нация – ни что иное, как сербский антиболгарский проект, а Македония – антиболгарская провокация Белграда. В подобной ситуации македонские нарративы в Болгарии получили значительное развитие и активно использовались интеллектуалами для изобретения и конструирования именно болгарской идентичности. В этом процессе одну из центральных ролей сыграла учебная литература (которая популяризировала и предлагала новые идентичности настолько универсальные, что отказаться от них было крайне сложно [14]) и болгарский учитель [15], который в отличие от прусского учителя «не выиграл битву при Садовой», но скорее проиграл тем политикам, македонский проект которых обладал большим мобилизационным потенциалом.

Таким образом, к началу XX века болгарские политические и интеллектуальные элиты осознали важность выработки болгарской версии Македонии с целью ее дальнейшей политической и культурной интеграции в болгарское пространство. Болгарские правящие круги в начале XX века понимали, что такие инструменты формирования и развития идентичности как средняя школа и предназначенная для нее учебная литература конструировали, воображали, изобретали и продвигали именно болгарский образ Македонии, интегрированный в контекст истории и этнографии Болгарии. Подобная политика болгарских интеллектуальных элит вписывается как яркий пример в теорию изобретаемых традиций – именно поэтому мы можем констатировать, что в XX веке Македония стала для болгарского национализма своеобразным «местом памяти», что породило многочисленные научные, мемуарные и художественные стратегии формирования болгарской Македонии, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Библиографический список

1. Аретов Н. Свой и чужд в балканските култури / Н. Аретов // Въпреки различията: интеркултурни диалози на Балканите / съст. Н. Аретов. – София, 2008. – С. 9 – 12;
2. Аретов Н. Типология на Своя и Другия в ранната българска национална митология / Н. Аретов // Да мислим Другото. Образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов. – София, 2001. – С. 9 – 24;

3. Балабанов А. От моста на Вардара / А. Балабанов // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 109 – 110.
4. Борова Хр. Макове / Хр. Борова // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 108.
5. Борова Хр. Тетово / Хр. Борова // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 112.
6. Борова Хр. Тетовско поле / Хр. Борова // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 113;
7. Вазов И. Не даваме я! / И. Вазов // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 29 – 30.
8. Вазов И. Там! / И. Вазов // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 81.
9. Вазов И. Черното знаме / И. Вазов // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 27 – 28.
10. Вайганд Г. Етнография на Македония / Г. Вайганд / прев. от немски Н. Джерманова. – София, 2008.
11. Величков К. Към Македония / К. Величков // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 204.
12. Величков К. Чия е македонската земя / К. Величков // Македония в песни. Анталогия от български поети / предговор А. Балабанов, подред. Л. Станчев, Р. Мутафчиев. – София, 1943. – С. 70 – 71.
13. Весов Л. Към Родината / Л. Весов // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 226.
14. Данова Н. Проблемът за националната идентичност в учебническата книжнина, публицистиката и историографията през XVIII – XIX век / Н. Данова // Български идентичности в българската култура / съст. Н. Аретов. – София, 2003. – Т. 4. – С. 11 – 91.
15. Даскалова К. Българският учител през Възраждането / К. Даскалова. – София, 1997.
16. Димитров Л. Панихида / Л. Димитров // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София. 1929. – С. 225.
17. Додов Н. Дневник по балканската война / Н. Додов. – София, 2006.
18. Кайчев Н. Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878 – 1912) / Н. Кайчев. – София, 2006.
19. Кирчанов М.В. Националистическая модель политической модернизации и трансформации европейских периферий / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – 217 с.

20. Кънчов В. Град Скопие / В. Кънчов. – София, 1898.
21. Лилиев Н. Към Родината / Н. Лилиев // Родни слова. – София, 1941. – С. 192 – 193;
22. Михова Л. Чужденецът – свой и друг / Л. Михова // Да мислим Другото. Образи, стереотипи, кризи / съст. Н. Аретов. – София, 2001. – С. 57 – 66.
23. Морфов А. Изгрей зора на свободата (марш за македонските революционери) / А. Морфов // Подвигът на Мара Бунева / съст. Цочо В. Билярски. – София, 2010. – С. 419.
24. Панчев С. Вардар / С. Панчев // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 108;
25. Снегаров И. Град Охрид / И. Снегаров. – София, 1928.
26. Снегаров И. Солун в българската духовна култура / И. Снегаров. – София, 1937.
27. Тодорова М. Балкани. Балканизъм / прев. от англ. П. Йосифова-Хеберле. – София, 1999.
28. Траянов Т. Илинденски химн / Т. Траянов // Милетич-Букурещлиева М. Македония в българската поезия / М. Милетич-Букурещлиева. – София, 1929. – С. 120.
29. Траянов Т. Победният марш на българите / Т. Траянов // Родни слова. – София, 1941. – С. 133 – 134.
30. Христов К. Българската реч / К. Христов // Родни слова. – София, 1941. – С. 109 – 110.
31. Kyrchanoff M.W. Concepts of Selfness and Otherness in traditional Macedonian culture / M.W. Kyrchanoff // Человек в глобальном мире. Материалы международной научной конференции (г. Воронеж, 19 – 20 мая 2015 года) / ред. Н.В. Бутусова. – Воронеж, 2015. – Р. 338 – 343.
32. Weigand G. Ethnografie von Mekedonien / G. Weigand. – Leipzig, 1924.